

КОСМОНОРТ

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ

№. 4(5), 2014

16+

ПОДПИСКА

НАДЕЖНО!
ВЫГОДНО!
УДОБНО!

Беларусь
74908

Россия
по каталогам:
«Почта России»
99715

Беларусь
01205

Россия
по каталогам:
«Почта России»
83252

Беларусь
00750

Россия
по каталогам:
«Почта России»
10815

Беларусь
74930

Россия
по каталогам:
«Почта России»
11432

Беларусь
00646

Россия
по каталогам:
«Почта России»
99985

Беларусь
00653

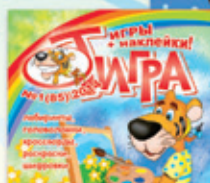
Россия
по каталогам:
«Почта России»
99752

Беларусь
01142

Россия
по каталогам:
«Почта России»
99986

Беларусь
00123

Россия
по каталогам:
«Почта России»
99984

Выпишите для своих
детей и внучат
Мишуткины журналы.
Дети будут рады!

КОСМОПОРТ

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ

№.4(5),2014

Главный редактор:
**Михаил Андреевич
 ДЕРЕВЯНКО**

Заместитель главного редактора:

Сергей БУЛЫГА

Художники:

Ирина ЛАЗЕРКО,

Наталия КЛЕВЦЕВИЧ

Вёрстка, дизайн:

Наталия КЛЕВЦЕВИЧ

Учредитель и издатель:

Частное торговое унитарное
 предприятие «Минар»,

г. Минск, ул. Лобанка, 22 - 5Н.

Зарегистрировано

в Министерстве информации РБ.

Свидетельство о регистрации

№ 1633 от 20. 06. 2013.

Адрес для переписки: 220082,

РБ, г. Минск, а/я 34. «Космопорт».

Телефон: +375-29-653-22-54.

Эл почта avtor@kosmoport.net

сайт: www. kosmoport.net

Перепечатка материалов

допускается только

с разрешения редакции.

Рукописи не рецензируются

и не возвращаются.

Подписано в печать:

31. 03. 2014. Формат 70x100/16.

Офсетная печать. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 5,16. Заказ № .

Тираж 5000 экз.

Отпечатано в унитарном

полиграфическом предприятии

«Витебская областная типография».

ЛП № 02330/0494165 от 03. 04. 2009 г.

Ул. Щербакова-Набережная, 4,

г. Витебск

Подписные индексы в Беларуси:

для инд. подписчиков - 74892,

для вед. подписчиков - 748922

© Частное предприятие «Минар», 2014

2 Леонид КУДРЯВЦЕВ «ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА» —
 женская логика — это великая сила

**9 Андрей САЛОМАТОВ «ПАРАМОНИАНА (ФРАГ-
 МЕНТЫ)»** — Знакомьтесь: Парамонов избранный

15 Екатерина ГРАКОВА «ПРАВЬ В НОЧЬ» — это не
 страшно, это как закрыть глаза, а дальше всё
 само собой получится

21 Олег КОСТЕНКО «ВСЕЛЕННАЯ В КАРМАНЕ» —
 всего лишь опыты, может, немного острые

**29 Михаил ИФФ «СФЕРЫ БУДУЩЕГО, ИЛИ ПАРАДОКС
 АДАМА»** — имею мнение, хотите оспорить?

**32 Александр РЫЖКОВ «ТРИНАДЦАТАЯ ФАНТАЗИЯ
 ДРАКОНА»** — это называется: слетали в отпуск...

42 Сергей БУЛЫГА «ЗАКЛЯТАЯ КОРЧМА» —
 фэнтезийный детектив

48 Екатерина БЕЛОУСОВА «КАЛЕЙДОСКОП» —
 детская игрушка и законы бытия

51 Анатолий БЕЛИЛОВСКИЙ «ПРИВЕРЕДА» —
 микрофантастика

52 Константин ЧИХУНОВ «КАЖДОМУ СВОЁ» —
 кому game over, а кому game open

61 Евгений ДРОЗД «АД И РАЙ» — вышеозначен-
 ные объекты со строго научной точки зрения

Женская логика

1.

Итак, новую картину следовало написать на планете Отуссая. А чтобы не отвлекаться на бытовые мелочи, надлежало прихватить с собой Клэр. В трюме моего экранолёта место для неё найдётся. При этом я не могу оставить жену без её любимого дома и, стало быть, возьму с собой и её. Кстати, две хозяйственные и заботливые женщины сделают мой вояж гораздо приятнее. И ещё, Ноэми уже давно заговаривала про отпуск на какой-нибудь экзотической планете, в стороне от привычных туристических маршрутов. Вот, теперь её мечта исполнится. Ну, чем плох план?

Я вздохнул.

Пережить бы ещё сборы в дорогу.

— И обязательно надо позаботиться о креме для загара, — напомнила Ноэми.

Вид у неё был очень деловой.

— Зачем? — поинтересовался я.

— Загорать, конечно.

— Это рабочая поездка. Там будет не до развлечений.

— Тебе. А у меня-то отпуск. И я намерена провести его с толком.

— На Отуссая загорать не получится.

— Откуда знаешь?

— Её орбита расположена необычно.

— Мне помнится, несколько часов назад ты говорил, будто она находится от своего солнца на вполне приемлемом расстоянии? И атмосфера у неё пригодна для дыхания? Уверена, местечко позагорать найдётся.

Хоть кол на голове теши.

— Пару следующих недель, — сообщил я, — вся поверхность планеты будет покрыта толстой коркой льда, уникального, особой цветовой гаммы. Если вычесть время на дорогу, то останется неделя, но

именно за неё мне необходимо написать гипно-полотно.

— То есть, там будет зима всё время нашего пребывания?

— В яблочко.

— А ты будешь писать снег и лёд?

— Я хочу запечатлеть этот удивительный лёд, его оттенки и отблески, переживы, все пробуждаемые им ощущения. Причём, как и положено, зиму сменит весна, весьма слякотная. Она тоже к солнечным ваннам не располагает. Вот когда мы вернёмся на Землю...

— Мне нужен инопланетный загар, — Ноэми была непреклонна — Увидев его, все подружки с ума сойдут от зависти.

Я снова вздохнул.

— И не хмурься, — сказала Ноэми. — Это тебе не идёт.

— Да?

— Конечно. Кстати, я уже придумала, что мы сделаем.

— А именно?

— Ты закончишь картину, а на обратном пути мы завернём на какую-нибудь планету с подходящей атмосферой, на которой в достатке моря, пляжа и солнечной погоды. Согласен?

Я хмыкнул.

Типично женское понимание мира. Если на пути попала очень высокая стена, вместо того чтобы свернуть в сторону, делаются попытки совершить под неё подкоп или её перепрыгнуть, перелететь на воздушном шаре, прельстить её охрану, уговорить случайно встреченного альпиниста перетащить через неё, задействовать знакомого знакомой, работавшего подрывником и поэтому знающего, как в любой стене проделать большую дыру... Упорство, помноженное на изворотливость, сдобренное гранитной уверенностью в успехе дела.

Впрочем, можно ли ожидать от них иного?

— Ты согласен?

Ну, что можно ответить? Хотя...

— А как на это посмотрит Клэр? — осторожно спросил я.

— Я её уломаю, — не моргнув глазом, заявила Ноэми. — Вот прямо сейчас пойду и договорюсь.

Да, тут остаётся только отойти в сторону.

Я взял в руки ёмкость с гипно-красками, подумал, отложил её в сторону, ухватил в два раза большую.

— Ты слышишь меня?

— Конечно, дорогая, — ответил я, прикидывая сколько следует захватить метров сонного полотна для будущей картины. — Делай, как знаешь.

— Главное, не встревай. Я всё устрою.

Кто бы сомневался? И договорится. Кроме женского понимания мира, существует ещё и женская солидарность. Рука руку моет.

2.

Всего лишь за час сказочный, цветной лёд стал лужами и ручьями. Полюбовавшись тем, как гаснут оставшиеся от него радуги, я аккуратно опрыскал мультизащитителем написанную мной на Отуссае картину. Бережно и сноровисто орудуя манипуляторами, Клэр её упаковала и отправила в свою кладовую. Кажется, ей такая работа нравилась.

Небо к этому времени стало цвета мохового агата. Я уже знал, что здесь это к перемене погоды.

Подчиняясь приказу погрузиться в трюм, Клэр активизировала ходовую часть дома, заставила мое жилище двинуться к стоящему на ближайшем пригорке экранолёту. Четыре массивные конечности шагали легко, можно сказать, изящно. Сам дом из-

Леонид Кудрявцев родился в 1960 году. Первая публикация — 1984 год. С 1994 года работает на жизнь только творческой работой. Лауреат ряда жанровых и общелитературных премий. На данный момент автором издано шесть десятков книг. Несколькими десятками публикаций в сборниках и журналах. Множество зарубежных публикаций. Член Союза Писателей России. Переводчик с польского. Живёт в Подмосковье.

менялся, приобретал более округлую форму. Окна его вытягивались, стёкла в них становились толще. На стенах вспухали выросты, похожие на сосульки. Оказавшись в трюме, он растопырит их, словно ёжик, чтобы уберечься от перегрузок во время старта.

Сцепив пальцы на затылке, я с наслаждением потянулся всем телом.

Вот теперь можно заняться и развлечениями. Причём, забыть о них не даст никто с точёным профилем и голубыми глазами. Нет, не получится отложить в долгий ящик поиски планеты, на которой можно с комфортом позагорать.

Увидев, что от корабля ко мне спешит моя жёнушка, я тихо засмеялся, пробормотал:

— Точно. Не получится...

Мне вспомнилась законченная картина. Может быть, лучшая из всех, написанных мной.

Как я её назову?

Дворец снежной королевы? Ледяной сон? Дворец королевы льда? Планета обжигающего льда? Дворец ледяных мечей? Ледяная сказка?

Ветер едва не сбил меня с ног, неожиданно и сильно ударив в спину. И тотчас после этого стих, затаился. Снежные птицы, которых он покатило было кубарем, словно покрытые перьями шарики, встали, отряхнулись и вновь принялись копать в лужах длинными, плоскими клювами. Кажется, они выискивали там мелких насекомых, живших в снегу, а теперь утративших подвижность от перегрева.

Я подумал, что у снежных птиц за последние пару дней заметно уменьшились крылья, да и цвет оперения теперь не был абсолютно белым. Появились серые пятна. Интересно, как птицы будут выглядеть ещё через пару дней?

— Поднимаем паруса? — спросила Ноэми.

Она была уже неподалеку. Шла легко и уверенно, улыбалась.

— Да. Пора, — ответил я

— Ты окончательно разделался с работой?

— Осталось лишь придумать название для картины.

— Это можно сделать и на планете, остановку на которой ты мне обещал.

Я улыбнулся.

Всё правильно. Она целую неделю безропотно ждала, была усердной помощницей, а так же специалистом по быту активно работающего художника. Теперь её следует вознаградить. Кстати, подходящая планета на примете уже есть...

3.

Джунгли, пляж, чистойшая вода, безоблачное небо, в зените — в меру жаркое светило. Идеальные условия для хорошего загара.

Не за этим ли мы сюда прилетели?

— Здесь безопасно? — спросила Клэр, едва выгрузившись из трюма. — Ты уверен?

— В данный момент на планете Поденка нет ни одного хищника, — ответил я.

— Так не бывает. Если есть растительность, значит, должны быть и травоядные. Если есть травоядные...

Я улыбнулся.

— Правильно рассуждаешь. Однако сейчас на планете нет травоядных или хищников. Не будет ещё три дня. В лоции есть подробное описание.

— А потом что случится?

— Наступит день, когда из отложенных в землю зародышей появятся травоядные и начнут расти как на дрожжах.

— Вот бы на них посмотреть.

— К этому моменту мы уже будем лететь к Земле.

— Уверена, на них не откажется посмотреть и Ноэми, — заявила Клэр. — Можешь ты удовлетворить наше женское любопытство?

Я хмыкнул.

Впрочем, стоит ли удивляться таким вопросам? Моя жена по профессии домовая

врач. Именно она сотворила управляющий домом разум, создала Клэр, она же занималась её развитием, формировала мышление, вводила алгоритмы поиска решений, учила общаться. В результате я оказался в обществе двух закадычных подружек, наделённых почти в равной мере женским пониманием мира. Если они сговорятся...

— Конечно, тебе виднее, но если надумаешь показать нам хищников...

— На это не хватит времени, — буркнул я.

— Ты — хозяин.

Удивительная покладистость. Только не куплюсь я на неё. Нет, не куплюсь.

Мы помолчали минуты три. Первой сдавалась Клэр.

— Хорошо, тогда начинаю разворачивать солнечные батареи, — заявила она.

— Необходимо подзарядиться.

— Ты могла это сделать от корабельной системы, в пути, — напомнил я.

— Почему бы не сэкономить? Я подумала, что на планете, на которой собираются загорать, солнца должно быть вволю.

— Так и оказалось.

— Значит мой расчёт оказался верен. А теперь выкладывай-ка мне всю подноготную о планете Поденка, пока вы с женой не отправились на пляж.

Я взглянул на дверь дома.

Поход к морю требует основательной подготовки. Значит, моя жёнушка появится ещё минут через пятнадцать, не раньше.

— Эта планета уникальна, — сообщил я. — На неё уже было двадцать экспедиций и сейчас готовится ещё две, большие и очень представительные.

— Вот как?

— Установлено, что Поденка населена одним-единственным организмом. Под поверхностью планеты находится что-то вроде гигантской грибницы, толщиной в несколько километров. Она оплетает всю планету, по сути — ей является. Понимаешь?

— Конечно.

— В грибнице, близко к поверхности планеты, лежат зародыши всех животных,

личинки насекомых, с ней сплетаются корни всех растений. То есть, она включает в себя не только фауну, но и флору. Благодаря этому жизнь на Поденке идёт циклично. Неделя, в течение которой на ней нет ни одного животного, а властвуют растения и насекомые, сменяется днём, когда на поверхность выбираются травоядные. Как я уже сказал, к обеду они достигают взрослых размеров, а к вечеру, уничтожив всю растительность, откладывают в землю потомство. Следующий день будет днем хищников. Они съедят всех травоядных, поместят в землю зародыши и погибнут. Потом в рост ударится растительность. Далее — по кругу. Растения и насекомые, травоядные, хищники.

— Я восхищена, — сказала Клэр.

— И сейчас здесь совершенно безопасно, — подтвердил я. — Ибо в разгаре зеленая фаза. Вот потом...

Хлопнула дверь и на пороге появилась Ноэми, с объемистой сумкой в руках.

— Я готова, — возвестила она. — Пошли загорать!

— Удачи, — пожелала нам Клэр. — Будьте осмотрительнее, не сгорите там!

Сказано это было с интонациями очень заботливой мамы. Переглянувшись, мы с веселым смехом бросились на пляж.

4.

Два дня прошли незаметно. Клэр занималась хозяйственными делами, а мы полностью отдались тёплой воде, мягкому песку и жарким лучам местного светила. Первую ночь провели прямо на пляже. Нам было просто замечательно и там, а пожелай мы еды или питья, достаточно было позвать Клэр. Не захотели уходить мы с него и на вторую.

Утром следующего дня Ноэми сообщила:

— Всё хорошее когда-нибудь заканчивается. Хватит бить баклуши, пора возвращаться к трудам и заботам. Кроме того, сегодня последний день растительного

царства. Завтра появятся травоядные. Пора улетать.

Я вдруг понял о чём будет моя новая картина, представил, как начинаю её рисовать. Там, на Земле.

Да, пришло время возвращаться.

Собрав вещи, мы отправились обратно к экранолёту, благо до него было недалеко. Клэр ждала нас возле корабля. Она явно не теряла время даром. Крылья солнечных батарей были уже сложены, а стены её сияли свежей, белоснежной облицовкой. Ещё она нарастила пару декоративных башенок и теперь стала смахивать на средневековый замок.

— А они зачем? — спросил я.

— Ты ничего не понимаешь, — вступилась за подругу Ноэми. — Это красиво.

Я пожал плечами.

Ну, значит, красиво. Женское видение красоты. Ничего не попишешь.

— Я — рада! — воскликнула Клэр. — Я очень рада, что вам понравился мой вид!

От удовольствия стекла в её окнах на мгновение стали разноцветными, словно в детском калейдоскопе.

— Мы сегодня должны улететь, — напомнил я. — Начнем погрузку?

— Ваше желание для меня — закон! — воскликнула Клэр. — Немедленно приступаю. Прощай, гостеприимная планета. Мы улетаем, но когда-нибудь вернёмся.

После этого осталось лишь открыть люк экранолёта и отойти в сторону, освобождая дому дорогу. Я так и сделал.

Клэр выдвинула ноги, приподнялась на них и резво зашагала. Она успела преодолеть всего лишь половину расстояния до люка, когда из земли вынырнуло огромное, покрытое зелёной чешуей щупальце и мгновенно опутало её конечности.

5.

От моря нас отделяла гряда холмов, смахивающих на сахарные головы. Склонявшееся к горизонту светило окрасило их верхушки в нежные, пастельные тона, по-

родило тени, пока ещё не очень длинные, но своим существованием напоминающие о скором наступлении ночи.

— Не получается, — сообщила Клэр. — С щупальцами так не сладить.

Вполголоса чертыхнувшись, я швырнул на траву гиперпульсатор. Ствол его от перегрева слегка дымился.

— А если взять пушку мощнее? — предложила Ноэми.

— Для этого придётся лететь на Землю, — ответил я.

— Попробуем увеличить разброс огненного шнура?

— Спалим дому ноги.

— Я потерплю, если это нужно для освобождения, — заявила Клэр. — У Дома болевой порог ниже, чем у людей. Будет больно, но я потерплю.

— У нас не грузовой экранолёт, — сообщил я. — Нет приспособлений для загрузки в трюм целого дома. А без ног ты в него забраться не сможешь.

— Что будет дальше? — спросила моя супруга.

— Завтра день травоядных. Он не страшен. А вот следующий, когда появятся хищники...

Ноэми с тревогой посмотрела на солнце и невольно поёжилась.

— Думаешь... — пробормотала она, — считаешь... хищники...

— В теле нашего дома много органики, — напомнил я. — Слишком много. И если мы можем отсидеться в экранолёте, то Клэр...

— А если мы с гиперпульсаторами в руках станем её защищать? Нам надо продержаться лишь один день.

— Представляешь, какие хищники появятся из-под земли? Учти, они должны за один день съесть огромные стада. Я видел кое-какие фотографии. Нет, нашим оружием их не остановить.

— Дело плохо?

— Времени у нас осталось мало. Кто мог представить...

Я сокрушенно покачал головой.

— А как же двадцать экспедиций, призвавших эту планету безопасной? — с горечью спросила моя жена.

— Исследователи использовали обычные купола. Живой дом попал на Поденку впервые, и планета не захотела его отпустить. Обрати внимание, она всего лишь удерживает Клэр, она ещё не сделала ей ничего плохого.

— Планета? — пробормотала Ноэми.

— Живущий под её поверхностью симбионт.

— Идея! — подала голос Клэр. — Вдруг это не щупальце, а гибкая ветка или корень? Может такое быть? А травоядные тоже должны быть невероятно прозорливыми. Наверняка, они завтра этот корень или ветку съедят.

— Хорошая мысль, — признал я. — Однако щупальце — часть грибницы, а у неё должна была выработаться какая-то защита от своих питомцев. Думаю, травоядные нам не помогут. А на следующий день...

Мы помолчали.

— Ещё можно скопировать личность Клэр в память корабельного компа и увезти с собой, — наконец сказал я. — В самом крайнем случае, конечно.

— Я знаю объём свободной памяти твоего корабля, — сказала Ноэми. — В неё поместится лишь её половина. Клэр очень сложная программа, настоящая личность. А из пятидесяти процентов восстановить полный её объём будет невозможно. Да и не решит копирование проблемы. Настоящая Клэр всё равно погибнет на наших глазах. Понимаешь?

Мне стало не очень хорошо. Представилось, как стая гигантских хищников рвёт на части наш дом, стремительно орудуя огромными зубами и острыми когтями.

Нет, допустить этого нельзя. Вот только, как же спасти Клэр? Все возможности исчерпаны.

— Получается, мужское мышление пакует? — вдруг спросила Ноэми. — Возможностей выручить наш домик не осталось? Планета непобедима?

— Похоже, так и есть, — неохотно признался я.

— Значит, настало время для женской логики.

Я хотел было сказать, что это полная чушь, но передумал. Утопающий хватается и за соломинку. А вдруг?..

— Щупальце всё время пытается сжать тебя крепче? — спросила моя жена у дома.

— Да, пытается, — ответила Клэр.

— А ты сопротивляешься?

— Пока мне удастся противостоять его силе, но преодолеть не получается.

— Понятно. Теперь, слушай, что надо делать...

6.

Экранолёт летел к Земле на автопилоте. А мы с Ноэми отправились в трюм, прихватив бутылочку шампанского. Дом занимал большую его часть, но для нас тоже нашлось место. В принципе, мы могли устроиться в гостиной Клэр, но именно сейчас нам хотелось подчеркнуть, что она для нас не просто управляющий жилищем разум, но ещё и товарищ.

Мы вынесли из дома пару кресел и поставили их прямо на шероховатый пол трюма. Уселись, я открыл бутылку, наполнил два бокала и мы с женой выпили за счастливое спасение Клэр. Она нас поблагодарила.

Моя супруга облегченно вздохнула. Вопреки её опасениям, случившееся никак на психику подруги не повлияло.

Тогда я задал вопрос, на который не хватило времени там, на Поденке. Очень мы спешили её покинуть.

— Хорошо, Клэр освободилась... Так почему симбионт её отпустил?

— А ты не понял? — спросила жена.

Ничего не оставалось, как признаться:

— Не совсем. Кажется, ты говорила об одном из принципов женского понимания мира. О том, что если нет возможности двигаться дальше, если кто-то за-

гораживает дорогу, то надо сделать так, чтобы он сам захотел её освободить, получив желаемое. Клэр тебя поняла, кажется. А что она сделала, я так и не уловил. Просто, минут через пять она вдруг получила свободу. Почему грибница её отпустила?

— Ларчик открывается просто, — объяснила Ноэми. — В соответствие с вашей, мужской логикой, встреченное на дороге препятствие можно только уничтожить. Вы предпочитаете действовать силой, а если её не хватает, то отступаете. Если не удастся отступить, дерётесь до конца. Оказавшаяся в подобной ситуации, женщина сначала попытается найти компромисс.

— Это понятно. Не ясно, какую лазейку вы обнаружили.

— Надо было просто понять, в чём Поденка нуждается, — объяснила Клэр. — Целая планета. Понимаешь?

— Нет.

— Развитие на ней достигло пика. А если нет борьбы между видами, нет конкуренции, нет и совершенствования. Ей необходимы новые горизонты.

— Ей нужно выйти в космос, дотянуться до новых миров?

Ноэми покачала головой.

— Чисто мужской взгляд, — сообщила она. — Это вы, исследовав всё вокруг жилища, отправляетесь дальше, на поиски нового. Женщина привязана к дому. В том случае, конечно, если она не имеет возможность взять его с собой в дорогу.

— Ну, хорошо, — промолвил я. — Пусть так. Что делает настоящая женщина, если нуждается в чем-то новом?

— Ждёт, когда оно заявится к ней само, создаёт условия, для того чтобы это новое захотело к ней прийти.

— А потом пытается удержать? — предположил я.

— За всё в жизни надо платить. Что делает хозяйка гостиницы, если постоялец намерен удрать, не заплатив?

— Зовёт полицию?

— Хватает его за шиворот.

— Понятно. Мы чем-то там не заплатили за проживание. Кстати, а почему планета не пыталась получить плату со всех предыдущих исследователей?

— Величина объекта. Вероятно, для планеты обычные люди слишком малы. Она не воспринимает их. А вот Клэр — как раз достаточного размера для признания клиентом.

— Так что это за плата?

— Неужели трудно догадаться? — вмешалась в разговор Клэр. — Новый генетический материал, конечно. Поденка может развиваться лишь за счет генетического материала пришельцев из космоса. Причем, поскольку она не пыталась утащить меня под землю целиком, можно было предположить, что ей хватит и маленького кусочка. Образца. Трудно ли мне было отщипнуть манипулятором у себя от ноги кусок кожи и положить его на щупальце? Как только я это сделала, она меня тотчас отпустила.

Я почесал в затылке.

Ну и дела! Получается, мы установили контакт с планетой-симбиотом с помощью нашего дома. И конечно, мы не были первыми. Интересно, гены каких инопланетных существ хранятся в подземных кладовых Поденки?

— Наш дом — настоящее сокровище, — признал я.

— А ты как думал?

В голосе Ноэми слышалась гордость.

— Кстати, отчего вы всё время подчеркиваете женскую сущность этой планеты? — спросил я. — Ну да, грибница, слово «планета» и её название — женского рода, но всё это лишь слова. А сущность... У планет не бывает пола. Вы понимаете это?

— Интуиция, — подсказала Клэр. — Есть ещё такое понятие, как женская интуиция. И она очень редко ошибается.

Андрей Саломатов
«Парамониана»
(фрагменты)

Рассказец №10

Парамонов, наконец, закончил работу над своей таблицей и решил на время прекратить опыты. Просто из любопытства, чтобы посмотреть и самому почувствовать, как живут люди в нормальном состоянии сознания. Утром следующего дня он приготовил себе завтрак, включил телевизор и устроился на кухонном диванчике. По телевизору шел документальный фильм «Воспоминания о будущем», в котором говорилось о том, как в далёком-далёком прошлом инопланетяне посещали нашу планету. На экране появился один из залов Багдадского исторического музея, а затем и витрина с экспонатом. Голос за кадром с энтузиазмом рассказывал: «Этому удивительному глиняному горшку больше двух тысяч лет. Внутри него находится медная трубка, в которой стержень из сплава разных металлов. Если в горшок добавить соляной кислоты, возникнет электрический ток. Без сомнения, перед нами древний электрический элемент. К сожалению, археологам не удалось отыскать глиняную лампочку, которая горела от этой батареечки». Парамонов застыл с бутербродом в руке, а автор фильма с тем же воодушевлением продолжал: «А вот ещё более сенсационная находка. Близ города Тайюань китайские археологи нашли глиняный горшок, которому не менее двух с половиной тысяч лет. Если в него погрузить урановый стержень, получится портативный атомный реактор. Кто научил древних китайцев изготавливать домашние атомные реакторы? Я думаю, ответ лежит на поверхности — представители более развитой инопланетной цивилизации».

— В общем, кроме них некому, — согласился Парамонов.

«А этот удивительный глиняный сосуд, — продолжал автор фильма, — найден на территории Австралии. Если его погрузить в космический корабль, то сосуд полетит в космос. Кто научил австралийских аборигенов изготавливать космические горшки, вам, наверное, уже понятно».

— Естественно, — ответил Парамонов и встал из-за стола. На кухонной полке у него стояла глиняная крынка, которую ему когда-то подарил художник Круглов. Парамонов достал крынку и оглядел её. Горшок был очень старый, почерневший, с паутиной трещин по бокам.

«Правильно, Парамонов, — сказал из телевизора ведущий программы. — Этот удивительный глечик художник Круглов нашёл на территории Украины. Если в него поместить мухомор, горшок заговорит человеческим голосом. Кто научил древних украинцев изготавливать такие радио-глечики, наверное, тебе, Парамонов, понятно».

— Да, — ответил Парамонов и показал пальцем на полку. — У меня ещё самовар есть.

«Молодец, Парамонов, — похвалили его из телевизора. — Правильно мыслишь. Этот удивительный самовар ты нашел в деревне Игнатьево Тучковского района Московской области на чердаке дома, который снимал летом. Если в этот самовар залить нитроглицерин, он превратится в бомбу огромной разрушительной силы. Кто научил древних игнатьевцев изготавливать такие самовары — ты уже знаешь».

— Само собой, — ответил Парамонов и вернулся к завтраку. Реклама прервала фильм на самом интересном месте, когда

Андрей Саломатов: «Мне 61 год (61 рассказец). Москвич. Работал театральным художником, оформителем, корреспондентом в разных газетах и журналах, редактором, в том числе, и научным, главным редактором книжных издательств, сценаристом. В общем, делал, что нравилось. И Вам того желаю».

автор стал рассказывать об удивительном глиняном горшке из Косовска-Митровицы. Парамонов так и не услышал, что в него надо положить. Он выключил телевизор, в тишине доел завтрак и вскипятил воду.

— Ну, что ж, люди всё так же любопытны и по-прежнему интересуются горшками, — задумчиво проговорил он и заварил себе добрую порцию мухоморов.

Рассказец №12

Парамонов проснулся, спустил ноги с дивана и застыл от удивления. Комната была его, но в ней что-то существенно изменилось. Вместо компьютера на столе стояла пишущая машинка «Оптимa» с гигантской кареткой. Он перевёл взгляд на телевизор и узнал свой старый «Рубин» в деревянном корпусе, который отправил на помойку лет 15 назад. Ничего не понимая, Парамонов прошёлся по квартире и с ужасом обнаружил, что исчезли все вещи, которые он купил за последние годы, зато появились давно выброшенные. В панике он подскочил к окну. Во дворе и на тротуарах не было видно ни одной иномарки, куда-то исчез круглосуточный магазин, построенный лет пять назад, но самое главное, с горизонта пропали две тридцатидвухэтажные высотки.

Наспех натянув на себя одежду, Парамонов выскочил из квартиры и позвонил в дверь к соседу. Как всегда, Николай вышел в майке и трусах, на голове у него торчал петушиный гребень от подушки. Он молча пропустил Парамонова в квартиру.

— Николай, какой сегодня год? — дрожащим голосом спросил Парамонов. Сосед задумался, виновато отвел красные с похмелья глаза.

— 2014-ый, — наконец неуверенно произнес он и добавил: — Тридцатое октября.

Парамонов огляделся. Комната Николая изменилась меньше, чем его квартира, но на столе его внимание привлекли какие-то цветные бумажки. Парамонов взял одну, повертел в руках и спросил:

— Деньги?

— Не трожь! — забеспокоился Николай.

— Вчера получку получил.

— А почему на них Ленин? — спросил Парамонов.

— А кто там должен быть, Чарли Чаплин что ли? — грубо ответил сосед и отобрал у него розовую купюру.

Парамонову едва не сделалось плохо. Он попытался вспомнить, что делал накануне вечером, но не смог.

— Ты не знаешь, мух... — начал он и осёкся.

— Каких мух? — не понял Николай.

— Не знаешь, грибы в лесу ещё есть?

— Понятия не имею, — ответил сосед.

— Холодов особых ещё не было. Может, пару сыроежек отыщешь. Что, грибков захотелось?

Не ответив, Парамонов бросился вон из квартиры соседа.

На улице было непривычно мало автомобилей. Через Мичуринский проспект висела кумачовая растяжка «Партия — наш рулевой!». Парамонов добежал до остановки и забрался в подъехавший троллейбус. Всю дорогу до конечной остановки он затравленно озирался и своим испуганным видом лишь расстраивал пассажиров. Поймав его взгляд, они поднимали воротники и подальше убирали сумки.

Доехав до кольцевой, Парамонов перебежал через дорогу и вошёл в прозрачный осенний лес. Он внимательно смотрел по сторонам, разгребал ногами опавшую листву, заглядывал под кусты, но того, что ему было нужно, нигде не было. Неожиданно перед ним, словно из-под земли выросли три человека в безукоризненных бежевых костюмах.

— Гражданин Парамонов, пройдемте с нами, — предложил один из них.

— Куда? — испугался Парамонов. — Я ничего не сделал. Я никуда не пойду! — Но трое незнакомцев быстро скрутили его. Парамонов почувствовал, как что-то кольнуло в руку, и потерял сознание. Очнувшись Парамонов в самом начале какого-

то странного моста, перекинутого то ли через глубокий овраг, то ли через пропасть. Если бы не некоторая размытость контуров, можно было подумать, что мост вырезан из цельно куска хрусталя. Рядом с Парамоновым с невозмутимыми лицами находились те же три незнакомца в бежевых костюмах. А впереди, по другую сторону пропасти, стояли четверо. Один из них удивительным образом походил на него, Парамонова. Остальные как две капли были похожи на его сопровождающих.

Парамонова подтолкнули в спину, и они пошли вперёд. Четверо напротив двинулись им навстречу. На середине удивительного моста, у жирной синей черты, обе группы остановились. Парамонов с ужасом разглядывал своего двойника, а тот вдруг подмигнул ему и ободряюще улыбнулся.

Парамонова передали троим в бежевых костюмах с противоположной стороны, его двойник так же пересёк полосу, и Парамонов с сопровождающими отправились дальше.

— Больше не нарушайте, гражданин Парамонов, — сказал один из них.

— А что я нарушил? — не понял Парамонов.

— Строжайше запрещено меняться местами со своими двойниками и оставаться в параллельных мирах, — вежливо ответил сопровождающий. — Тем самым вы создаете нежелательные флуктуации и нарушаете естественный ход событий.

— Понятно, — ответил Парамонов и добавил: — Больше не буду. Мух... грибочки подвели.

Они добрались до противоположной стороны моста. Парамонов и не заметил, как трое в бежевом куда-то пропали. Исчез и мост. Впрочем, Парамонов только обрадовался этому. Он вошёл в лес и вскоре выбрался на проселочную дорогу. Отсюда были видны башенки и шпили загородных домов, построенных за последние годы. Мимо на большой скорости пронёсся лакированный «лексус», обдал его грязью из

лужи, и Парамонов, наконец, с облегчением выдохнул:

— Капитализм!

Рассказец №30

Февраль выдался теплым и промозглым, растаял почти весь снег. Парамонов вышел из автобуса и пересёк улицу. Мимо на большой скорости по луже промчался автомобиль и с ног до головы окатил Парамонова грязной водой. За последнюю неделю это было уже в четвертый раз. Настроение у Парамонова вконец испортилось, когда он заметил девушку из соседнего дома, в которую был давно и безнадежно влюблён. Она смотрела на него с жалостью, и это казалось ему особенно унижительным.

Весь день Парамонов вспоминал её чувственный, слегка насмешливый взгляд.

Он перебрал в уме все неприятности, которые произошли с ним за последние месяцы. От ударов и подножек судьба перешла к откровенным издевательствам, и конца этой чёрной полосе не было видно.

Роясь в ящике стола, Парамонов обнаружил чёрный бархатный кулон на шёлковом шнурке. Он вспомнил, что это амулет матери. Она вешала кулон ему на шею, когда он ходил сдавать экзамены или устраиваться на работу. Ни в какие амулеты Парамонов не верил, но сейчас вдруг дал слабину — надел кулон, спрятал под рубашку и отправился в гости к художнику Круглову. На улице Парамонов снова встретил девушку из соседнего дома. Впервые за всё время она поздоровалась, и они немного поговорили. Девушка согласилась встретиться на следующий вечер, и к Круглову Парамонов отправился в наилучшем расположении духа. Он остановился у перехода, рядом с огромной лужей. Быстро мчащийся автомобиль он заметил в последний момент, но и в последний же момент между ним и лужей встал рассеянного вида здоровяк. Он-то и принял на себя фонтан грязной воды. Изображая на лице сочувствие, Парамонов ликовал — амулет действовал. Перебежав на другую сторону улицы, Парамонов достал кулон, поцеловал его и тихо проговорил:

— Спасибо, мамочка!

Всю следующую неделю Парамонов чувствовал себя счастливым. Они с девушкой несколько раз встречались, подолгу сидели в кафе и болтали. Попутно она рассказала, что в прошлом году закончила институт и долго не могла найти работу. Что пару дней назад ей предложили хорошее место, но на него есть ещё несколько претендентов и, скорее всего, её снова не возьмут. Только дома Парамонова осенило, что он может помочь девушке. Он тут же позвонил ей, и они договорились встретиться утром, когда она поедет устраиваться на работу.

Утром, дождавшись девушки, Парамонов повесил ей на шею амулет и сказал,

что будет ждать от неё вестей. Возвращаясь домой, он остановился у огромной лужи. Проехавший автомобиль окатил его грязной водой, но на этот раз Парамонов не сильно расстроился — он ждал вечера.

Вечером они встретились. Девушка радостно рассказала, что её взяли. Она сняла амулет и, держа его в руке, немного смущаясь, призналась:

— Я встретила своего старого знакомого. Знаешь, он никогда не обращал на меня внимания. А сегодня... в общем, предложил мне встречаться. Пригласил в ресторан.

— Да? — потемнев лицом, вяло произнес Парамонов.

— Он мне всегда нравился, — продолжила девушка и протянула Парамонову амулет. Не глядя на девушку, Парамонов взял его, машинально повесил на шею, а девушка вздохнула и неожиданно с грустью проговорила:

— Но это ничего не значит. Прошло слишком много времени.

Рассказец №33

От профессора Липунова Парамонов вернулся в 2 часа ночи. Выйдя из машины, он увидел, как двое пьяных пытаются свалить на землю третьего. Все трое были похожи, как близнецы: в коротких куртках, спортивных штанах и в чёрных вязаных шапочках. Парамонов пошёл через сквер, но вдруг остановился под деревом. Он заметил, как в нескольких метрах от дорожки мелькнул тёмный силуэт, и вспомнил о странном человеке, который бродил здесь, наверное, каждую ночь и никогда не выходил на свет. Увидеть его было трудно. Незнакомец бесшумно скользил в тени деревьев, самым невероятным образом исчезал, и вдруг на мгновение его сутулая фигура возникала на другой стороне улицы — в кустах или за магазинчиком.

Дерущиеся перешли на громкую ругань, и Парамонов невольно обернулся. «Как, наверное, много он знает ночных тайн, —

подумал Парамонов. — Сколько видел из своих укрытий. Может и сейчас стоит и ждёт, когда закончится драка, чтобы подкрасться и обобрат победённого».

— Тоже интересуетесь? — услышал позади себя Парамонов. Он вздрогнул и обернулся. Это был сутулый. В темноте невозможно было разглядеть его лица. Видны были лишь зрачки, в которых поблескивал отраженный от мокрого асфальта свет фонарей.

— Нет, не интересуюсь, — ответил Парамонов.

— О! Ночью происходит много интересного, — усмехнулся незнакомец. — Слышали, три дня назад здесь зарезали человека?

— Вы видели? — вопросом на вопрос ответил Парамонов.

— В каком-то смысле, да, — сказал сутулый и добавил: — Это я его зарезал. Дрянь был человек.

Парамонов оторопел.

— Зачем вы мне это рассказываете? — дрогнувшим голосом спросил он.

— Есть такое понятие — неразделенный кайф. Это когда хочется с кем-то поделиться, а не с кем. В одиночку даже самое лакомое блюдо кажется пресным.

— Извините, я не гожусь вам в сотрапезники, — ответил Парамонов.

— Может, для другого согдитесь, — усмехнулся сутулый. — В созрители, например. Слышали когда-нибудь о чёрном ангеле с белым крылом?

— Нет.

— Самые несчастные ангелы, — вздохнув, ответил сутулый. — Они всегда и везде чужаки.

— Вы о белых воронах? — поинтересовался Парамонов.

— Ну, что вы? Белые вороны не выживают только в природе. А люди, которых так называют, очень хорошо используют свою непохожесть на других. Многие считают за честь иметь у себя в друзьях «белую ворону», даже если она крашенная. Поэтому, когда их перышки

начинают темнеть, они обесцвечивают их перекисью водорода. А о чёрном ангеле с белым крылом вспоминают только, когда он нужен. Тогда белые ангелы говорят ему: «Это ничего, что ты чёрен лицом. У тебя белое крыло, значит, ты наш». Чёрные ангелы говорят то же самое: «Это ничего, что у тебя белое крыло. Посмотри в зеркало, ты наш». Но как только он перестаёт быть нужен, белые ангелы напоминают, что он чёрный, а чёрные, что у него белое крыло. Так он и мечется между чёрными и белыми, пока не поймёт, что он чёрный ангел с белым крылом. Удел его — жестокое одиночество.

— Я так понимаю, это вы о себе? — когда незнакомец закончил, спросил Парамонов.

— Да, — ответил собеседник и приподнял плечи. Короткая куртка лопнула у него на спине, и он выпростал из-под неё два огромных крыла. Одно — угольно-чёрное, другое — белое, как свежевывпавший снег. Парамонов смешался.

Дерущиеся снова раскричались, и драка возобновилась. Парамонов обернулся и увидел, как сверху на них опускаются три чёрных как смоль ангела. Они крыльями сбили пьяных с ног и опустились на землю. Вслед за этим раздался короткий захлебывающийся крик одного из пьяных, и чёрный ангел с белым крылом сказал:

— А теперь уходи. Быстрее!

И Парамонов побежал.

Послесловие автора:

«Парамониана» — это даже не повесть в рассказах. Это сборник коротких, самостоятельных историй, написанных в самых разных жанрах: фантастика, лирика, ужастик, абсурд и пр. Писать стал случайно. Я завёл живой журнал и не знал, чем его заполнять. Так появился первый рассказец о том, как Парамонов вернулся из длительной командировке в тайгу и узнал, что пока он бродил по тайге, умерла мать. На кладбище он отыскал её могилу. Его поразило, что на надгробиях вместо фамилий и имен были выбиты имена блоггов, вроде starayasuka. Ну, а дальше пошло-поехало. Всего в «Парамониане» 61 рассказец.

Ни прошлого, ни внешности, ни даже имени у Парамонова нет, одна фамилия. В каком-то смысле Парамонов — это шляпная болванка для натягивания на неё короткого сюжета. Даже я, автор, не знаю: умный он или глупый, храбрый или трусливый, порядочный или так себя, пошляк. И все же за 61-ю историю какой-то характер у него наметился, но это скорее, благодаря персонажам, без которых просто не о чем было писать. Мне кажется, «Парамониану» интереснее читать подряд, оно достовернее получает-

ся: хорошо-плохо-любовь-ужас-бред. То есть, как в жизни.)))

Сейчас я готовлю книжку про Парамонова, которая, возможно, выйдет в следующем году. Кроме рассказцев туда войдут замечательные стихи моего друга, поэта Алексея Зайцева. Иллюстрации художников: Саши Галицкого, Алексея Евтушенко, Лёши Зайцева, Ильи Трефилова. Будет и приложение. В него войдут короткие рассказы о Парамонове писателя-фантаста Володи Покровского. Он был одним из первых читателей, рассказы ему нравились, в результате он написал свою короткую «Парамонианку». В общем, понадобятся странные фотографии; оригиналы партийных документов Китайского Сопротивления, таблицы сравнительного роста овчарок, газетные вырезки о борьбе с пьянством, русский дубок + антарктические лоции для «конвоя фюрера», звёздные карты, интерьеры московских пивных, фото надписей в тарусском сортире, граффити, витражи Шартра, дворцы, копии расстрельных приговоров. Фотографии для книжки: парадное, в котором Парамонов встречался с феей, северная сторона пепельница бывшей жены Парамонова, рабочий стол Парамонова, трусы неизвестной Любви Парамонова, лауреат Нобелевской премии др. Лоренс Конрад исследует парамонормальное явление на Курском вокзале и т.д... Много странных сносок, (напр: «...Парамонов сказал 1. «Ниже:1.Шопенгауэр, ПСС, т.III, 542стр. и фото «Кровавого Воскресенья», но между рассказами должен витать сон разума. Это, конечно, перебор. Но хочется.)))

С одной стороны я жалею, что бросил писать рассказы о Парамонове, но с другой, мне стало легче. Парамонов мне надоел, как иногда надоедают чересчур назойливые знакомые. В общем, с ним я закончил.

Екатерина Гракова

Правь в ночь

Сумеречно. В больших тенях скрываются малые. Ветер касается деревьев, и тени колеблются, становясь то чёрными, то серыми, то прозрачными с крапом. Таящиеся в тенях существа, едва на них падает лунный свет, отчаянно пищат и пытаются найти пятно погуще.

В сумерки wpłyвает мрак. Он тянется за каретой, подпрыгивающей на дорожных камнях, и суёт пальцы в её чёрные колёса. Каретой правит позёвывающий старик, сутулая фигура которого затянута в плащ, как в ночь. Он никогда не спит, хотя его всегда клонит в сон. Время от времени он берёт лежащий рядом хлыст и награждает ударами кого-то во тьме.

Кто-то во тьме шипит, но не показывается.

Ночь неизбежна, однако сумерки всё не уходят. Благодаря им можно разглядеть дом, около которого не спеша останавливается карета. Этот дом высок и ладно скроен, у него широкое крыльцо и острая крыша. Одно из окон дома освещено, и в нём, как канарейка в клетке, трепещет чья-то низкорослая тень.

Старик на облучке сладко зевает — так, что скрипят челюсти.

Из дома, как пробка из бутылки, выскакивает парнишка лет пятнадцати и оглушительно захлопывает за собой дверь. Застёгивая на ходу пальто, он сбегает по ступенькам, подлетает к карете, становится справа от кучера и, кашлянув, отвешивает старику поклон.

— Доброй ночи, Хайрис, — говорит он звонким, ярким голосом, в котором сливаются светотени.

— Доброй ночи, господин Кари, — отвечает старик. — Доброй Тому, Кто Знает.

— Я Знаю, — парнишка подмигивает ему.

— Тогда садитесь.

Юное создание подходит к карете. Поправив воротник пальто, оно берётся за

ручку дверцы. Вдыхает ароматы ночи и задерживает их в носу. Тянет ручку на себя.

— Шустрее, пожалуйста, — доносится из кареты.

Голос благодушен и густ, как тьма. Парнишка счастливо выдыхает и садится в карету.

— Привет, па, — говорит он.

Сидящий напротив высокий мужчина кивает. Глаза его — ночь, кожа — расписанный молниями камень. Багровый плащ на нём живёт своей жизнью — шевелится, шуршит, иногда вздыхает, но высокий мужчина не обращает на него никакого внимания. Взгляд его прикован к мальчику.

Большинство называют этого человека господин Хэйл. Единицы осведомлены, что он далеко не человек.

Карета трогается. Внутри уютно и хватает света, хотя не ясно, откуда он идёт.

— Как прошёл день? — спрашивает господин Хэйл.

— Полз, как раненая улитка! — с живостью отвечает его сын. — Я не мог дожидаться вечера, а мама сказала, что ты сегодня задержишься. И ещё Расминн была не к месту болтлива, а Найтли — глух, как сова, и вечер у меня получился не самым лучшим. Было бы здорово, если бы сразу из колледжа я попал к тебе, и если ты скажешь, что в следующий раз я могу так поступить, то...

— Я не могу так сказать, Кари, ты же знаешь. Твоя мама не даёт на это согласия.

— Но ты можешь уговорить её! Убедить, что так будет лучше!

— Успокойся, не нужно сейчас это обсуждать. Ты заменяешь старшего брата,

Екатерина Гракова — молодой томский автор, работающий в жанре фантастики, мистики, фэнтези. Фанатично любит читать, из-за чего разрывается между своими книгами и чужими. В творчестве особое внимание уделяет проблемам семьи, поиску взаимопонимания, моральным ценностям, хотя способы преподнесения читателю идей не всегда выбирает щадящие.

сидя в этой карете, и тебе известно, что будет, если ты не справишься. Ты говоришь, Найтли всё ещё ничего не слышит?

— Ни словечка. Па, а если он надолго оглох, я смогу ездить с тобой каждый день?

— Слышала бы тебя сейчас твоя мама.

— Смогу?

— У меня не будет выбора, — господин Хэйл пожимает плечами. — Мне нужен Тот, Кто Знает.

Глаза мальчика светятся надеждой.

Карета всё катится и катится, за окнами, на которых нет занавесок, виден спящий город. Сумерки уступают, наконец, место ночи, и на каждом повороте мгла выползает из-под чёрных каретных колёс и растекается по улицам. Если она медлит, её затягивает между спицами и дробит на множество длинных, сочащихся туманом полос. Луна бледнеет.

Господин Хэйл приоткрывает левую дверцу кареты и выпускает в ночь кого-то

из-под полы. Глазастый Кари успевает заметить длинную мордочку и острые уши, прежде чем тварь, издав пронзительный писк, исчезает.

Мальчик Знает, Что Это За Тварь.

Его отец — Пастырч ночи.

Они едут дальше, и господин Хэйл время от времени выпускает в город всё новых существ. Ни одно из них не похоже на другое, но Кари знает их всех. Это его работа — Знать.

Когда карета делает полный круг, отдавая честь монументу короля, он спрашивает у отца:

— Сколько боязливых людей живёт в Нэшмиэле?

— Сколько? — взамен спрашивает господин Хэйл.

— Две тысячи?

— Мало.

— Двадцать тысяч?

— Перебор.

— Десять?

— В твоём возрасте надо бы уже иметь представление о числах, которые не делятся на два.

— Ну, па!

— Разве Тот, Кто Знает, может задавать мне такие вопросы? Вслушайся в себя, спроси у своего «я». Тебе известен ответ.

— Я не хочу размениваться на игры!

Глаза Кари полыхают — он хочет испытать ночь, хочет применить свои силы в деле, но в деле почётном, верном, в деле, которое принесёт ему уважение отца и доверие матери. Ему уже не пять лет, и им пора признать это.

— Но ведь игры, — медленно выговаривает господин Хэйл, — делают тебя сильнее.

— Они всего лишь тренируют память, — пренебрежительно фыркает мальчик. — А Тот, Кто Знает, должен быть, прежде всего, внимательным и аккуратным. И ловким. И осторожным.

— И не лепить синонимы раз за разом.

Кари смотрит на отца, пробуя на вкус интонацию его голоса. Но нет, Пастырь пребывает в благодушном настроении, он шутит, разыгрывает своего младшего отпрыска. Тот с облегчением забывает о ночах, когда дела обстояли не так хорошо, и надеется, что вот-вот в город вырвется особо крупная тварь. Тогда его отец увидит, на что Кари способен, и, вероятно, расскажет об этом матери. И тогда она, быть может, разрешит...

— Па, Расминн ведь не может стать твоей помощницей? — спрашивает он некоторое время спустя.

— Не может, потому что не хочет, — отвечает тот, глядя в окно.

— У нас в колледже все хотят стать актёрами, политиками или героями.

— Героями?

— А я хочу стать таким, как ты.

— Хм.

— Разве я не могу стать таким же просто потому, что хочу?

— А что на этот счёт говорит Тот, Кто Знает?

— Ну, па!

— Одного желания недостаточно, Кари. Иначе, знаешь ли, все стали бы актёрами, политиками и героями, и некому было бы грузить, продавать, прибирать и учить. Кстати, что с уроками?

Кари сникает. Разговоры об учёбе угнетают его. Как отец, господин Хэйл знает это, как Пастырь — Видит.

— Приготовься, друг мой, — говорит он, наклоняясь к сыну и ободряюще хлопая его по плечу. — Грядёт зверь покрупнее.

Освещение в карете словно умирает. Мгла заглядывает в окно, но очередной поворот отрезает ей любопытный нос. На весь квартал разливается туман.

Плащ Пастыря дрожит. Что-то в его недрах ворчит и пытается выбраться. Господин Хэйл снимает его и кидает в противоположный угол кареты, почти под ноги Кари. Мальчик поджмает одну ногу и смотрит на плащ с любопытством. Кто на этот раз? И к кому?

Плащ превращается в горб — так велика скрывающаяся под ним тварь. Стоит ей показаться, и Тот, Кто Знает, узнает её. И сможет обезвредить, если понадобится, хотя...

Таких великанов ему ещё не попадалось.

— Чтобы быть храбрецом, — говорит вдруг господин Хэйл, глядя сыну в лицо, — нужно хоть один раз победить собственный страх.

Тот смотрит на Пастыря серьёзно, но вскоре все его мысли занимает тварь.

Она огромна. Её лапы уже показываются из-под плаща — длинные, когтистые, кожа на них сухая, как бумага. Голос твари совершенно не похож на писк мелочи, что разбегается по городу каждую ночь — кажется, что она умеет говорить. Возможно, Пастырь и понимает её, но Тот, Кто Знает, слышит только рёв.

Кари смотрит во все глаза. Сейчас Нэшмизл, возможно, получит свой самый невообразимый кошмар.

Плащ падает на пол. Чудовищная тварь, ростом выше Кари, выше даже самого

господина Хэйла, кидает в пространство ненавидящий взгляд, отрывисто гаркает что-то на своём языке и, бросившись на дверцу, вываливается в ночь. Пастырь придерживает дверь и смотрит вслед исчезающей тени.

— Ну? — не оборачиваясь, спрашивает он у сына.

— Это господин Моды, — отвечает Кари. — Его страх. Он... он не справится, па.

— Это говоришь ты или твоё внутреннее «я»?

— Это говорит Тот, Кто Знает.

Пастырь кивает — отлично.

— Правь на Линейную, Хайрис! — велит он кучеру и закрывает дверь.

Внутри снова становится уютно. Господин Хэйл поднимает плащ, отряхивает, накидывает его на плечи и садится на своё место.

Карета мчится по улицам тонущего во сне города. Мгла разлетается из-под колёс со скоростью ураганного ветра. Старик позёвывает, однако глаза его зорки: кнут несколько раз взлетает в воздух, но не для того, чтобы подбодрить лошадей.

Линейная. В самом её конце огромный дом с садом и длинной подъездной аллеей. В лунном свете он выглядит трогательно мирно, но это обман — тварь где-то рядом, и её слуга спит на втором этаже в кровати с балдахином. Тот, Кто Знает, отворачивается — он может, но не хочет видеть этого человека. Человека, которого ему предстоит спасти.

Карета останавливается, на этот раз стремительно. Пастырь и его сын выходят и направляются к дому. Слева во тьме что-то мелькает, но гарантий, что это именно тварь, нет — говорят, господин Моды в саду держит оленей. Луна освещает дорогу, но её свет не может пробить густую листву деревьев. Под их кронами тьма.

— Он вот-вот появится, — говорит Тот, Кто Знает.

— Господин Моды? — уточняет Пастырь.

— Да.

— Где зверь?

— Я не вижу его пока. Но думаю, что он на крыше.

— Если он проникнет в дом вперёд нас, мы не успеем вырвать господина Моды из его лап.

Кари молчит. Предположения — не его стезя.

Они входят в дом, открывая двери так, словно те не заперты. Они идут в полной темноте, не наталкиваясь на мебель, словно бывали здесь ранее. Их путь лежит в левое крыло дома, куда ведёт заканчивающийся окном коридор, и они точно знают, что даже кошки не слышат их.

Дверь справа открывается, и в коридор выходит толстый человек в пижаме. На голове его колпак, в руке — свеча, лицо искажено страхом.

— Эй, ты кто? — спрашивает он, поднимая свечу повыше. — Что ты делаешь в моём доме?

Он не видит Пастыря, потому что Пастырь — не человек.

— Я пришёл спасти вас от ночных страхов, — говорит Кари, ничуть не смущаясь.

— Что? Что ты мелешь, мальчишка?! Я сейчас позову слуг!

— Успокойтесь. Ваш гнев привлекает чудовище.

Вдруг окно в конце коридора взрывается фейерверком осколков — тварь прыгает с козырька ногами вперёд. Она появляется, как истинный кошмар — в объятии ночи, в тиши, в час, когда спят даже совы.

Свеча выпадает из рук господина Моды и гаснет. Он пятится, но не успевает укрыться в спальне — тварь бросается на него.

Тот, Кто Знает, бросается твари наперез.

Он маленький и юркий, но она — большая и сильная. И её когти слишком длинные и острые, чтобы Тот, Кто Знает, остался безнаказанным.

Пастырь молча взирает на их борьбу. Он не может вмешаться: его руки проходят сквозь любое ночное существо, как свет сквозь воздух. Его каменная кожа бледне-

ет, когда зверь повергает мальчика на пол.

Господин Моды падает в обморок, обозначая предел своей храбрости. Тварь торжествующе рычит — она одолела своего слугу, человека, вызвавшего её, не прикасаясь к нему и пальцем. Теперь ей остаётся только справиться с мальчишкой, мешающей ей проглотить господина Моды.

Но, кажется, эта задача не так проста. Тварь обнаруживает, что мальчишка имеет мало общего с лежащим без сознания человеком. У него огненные глаза, в которых таится ночь.

Огонь. Все кошмары боятся огня.

Но тварь слишком сильна. Не физически, нет: она старается дотянуться до горла мальчишки, однако его руки крепко держат запястья чудовища. Тварь смотрит в огонь, и хотя он жжёт её, терзает, мучает, она не отступает.

Что там, в этих глазах? Что за огнём, сквозь который не проникают ночные существа? Чего боится их обладатель?

Стоит мальчишке моргнуть, и тварь поймёт — чего.

Кари знает, что моргать нельзя. Он не может отвести от твари взгляд, но не потому, что боится это сделать. Этот вызов ему — как испытание, как новый порог на пути к мастерству, которого он жаждет...

Когда-то Пастырь, приведя домой оглушённого Найтли, сказал: «Он испугался чужого кошмара, как своего, и тот превратился в кошмар его собственный. Никогда не позволяйте своим, более всего — чужим страхам завладеть собой. Они забирают память, а память — это всё, что у нас есть».

Кари видит ту краткую сцену недельной давности в глазах ночной твари, явственно слышит причитания матери и голос отца, но его вовсе не волнует пострадавший брат. Он недоумевает — откуда тварь знает об этом?

В рычании зверя ему чудится какой-то подвох, но он не знает, к чему его отнести. Память? Храбрость?

Тварь проникает в мысли Кари, и он не может ей помешать — он не знает, как это сделать. А она обосновывается там, за огнём, и вырывает из сцены его недавнего прошлого отдельные моменты. Она сильна, очень сильна.

Она — и он тоже — видит, как мать Кари угрожает Пастырю отлучением от детей.

— Ты совершенно не бережёшь Найтли, — кричит она, — совершенно! Не думай даже, что я позволю Расминн работать на тебя!

Тонкий силуэт девушки у окна вздрагивает — её страшит ответ отца. Она не хочет, не хочет идти с ним.

Но он может выбрать любого из них.

— Мне не нужна Расминн, — говорит Пастырь. — Дай мне Кари.

— Ты шутишь?! Он же совсем ребёнок! Я не позволю тебе...

Образы плывут — тварь прищуривается. Она копается в мозгу мальчика, как в кошельке. Она ищет, ищет монету достоинством в один человеческий страх.

А-а, вот она, её ребристая грань: мальчишка так хочет быть Тем, Кто Знает, что готов послушаться матери, бросить колледж, сбежать из дома. Кто помешает его мечтам сбыться?

Тварь, что обернётся госпожой Хэйл. Зверь, что соткан фантазией господина Моды. Чужой страх — как свой. Он запрет мальчишку в высоком доме, запретит ему видиться с отцом. Он погасит огонь в его глазах.

Навсегда.

Кари моргает — последние преграды на пути твари рушатся. Чудовище с рёвом прижимает руки мальчишки к полу и дышит ему в лицо забвением. Сейчас оно сожрёт несчастного.

Но что это там, за рухнувшими преградами? Чья это фигура поднимается из пыли и отряхивает пальто? Чьи глаза вспыхивают, как угли, готовясь превратиться в новый огонь?..

Тварь шипит — она вдруг обжигается. Уже готовая праздновать победу, она не понимает, как мальчишка обходит её.

— Память, — вдруг говорит он, и тварь вздрагивает от звука его голоса. — Ты забываешь, что я уже здесь, уже борюсь с тобой.

Огонь из его глаз выплёскивается на тварь. Та скулит и пытается бежать, но мальчишка хватает её за шкирку. Теперь у него есть на это силы.

У страха нет шансов против храбреца.

Когда Пастырь и Тот, Кто Знает, уходят, на полу в коридоре остаётся только проходящий в себя господин Моды.

Ночь всё ещё властвует. Мгла терпеливо ждёт новой поездки под днищем кареты. Кучер отворачивается в другую сторону, чтобы не слышать разговора приближающихся хозяев.

— Что ты сделал, Кари? — спрашивает господин Хэйл, шагая в ногу с сыном. — Как ты справился там, где твой брат спасовал?

Мальчик улыбается.

— Я всего лишь послушал тебя.

Они останавливаются у кареты. Мгла тянет Пастыря за брючину, но он не видит её. Он смотрит на сына.

— Я подумал, — добавляет Кари, — что если одолею зверя, и мама узнает об этом, то она поверит в меня. И в тебя. И разрешит мне быть твоим помощником вместо Найтли. И чтобы это произошло, мне пришлось заглянуть в глаза собственному страху.

Господин Хэйл усмехается, но это добрая усмешка.

— Значит, в герои или актёры ты не пойдёшь? — спрашивает он.

В огненных глазах Того, Кто Знает, вспыхивает смех.

— Вот ещё, па!

Пастырь открывает дверцу, пропуская сына вперёд, и прежде чем сесть, даёт кучеру указание:

— Правь в ночь, Хайрис! У нас много работы!

Вселенная в кармане

Необходимость в этой инспекции назрела уже давно. Однако, с одной стороны, мы все были слишком сильно загипнотизированы научным авторитетом доктора Крена, а с другой, хотя перемещения по Солнечной системе стали мгновенны, бесплатными они отнюдь не были. Прикиньте, сколько энергии требуется на компенсацию в разнице сумм скоростей и гравитационных полей, плюс энергия на сам телепорт. Бюджет же контрольной комиссии совета науки был, как всегда, сильно ограничен.

В общем, космическая лаборатория дрейфовала возле Аномалии, а Крен Ибикус время от времени присылал требования на повышение финансирования и заявки на различное оборудование. Желаемое он, как правило, получал: а как же, сам доктор Крен требует! К тому же, он был довольно состоятельным человеком и значительную часть расходов покрывал из собственного кармана. Но не целиком, не целиком.

Вскоре, однако, бюджет космической лаборатории достиг размеров воистину астрономических, а отчёты же сделались довольно туманными. В результате у совета возникла настоятельная потребность узнать, а что же он, собственно, финансирует.

Я всегда плохо переносил мгновенный перепад гравитации. Дождавшись, когда улягутся головокружение и тошнота, я отпустил поручень, за который было принято держаться при переброске. Теперь — на выход, встречающие, наверное, уже беспокоятся, почему пассажир не выходит так долго. Я открыл люки капсулы и приёмной оболочки...

Беспокоятся, а как же, жди! Встречающих не было вообще. Аппаратура работала в автономном режиме. Признаюсь, это немножко задело. Я, конечно, не требовал,

чтобы меня приветствовали как Наполеона, но уж на одного встречающегося рассчитывать мог.

Спустившись с постамента трансгресса, я набрал на пульте связи короткое сообщение: «Прибыл, встречающих нет». Мгновение спустя по гиперпространственной струне на Землю ушло сжатое сообщение. Удобная штука эта струнная связь: в отличие от масс-переброски, энергии почти не требует, хоть к Интернету подключайся.

Я поискал глазами панель настенного информатора и вскоре определил, что доктор Крен пребывает в своей каюте. Вызывать кого-то и требовать себе провожатого я не стал, решив, что это несколько унизительно. Не захотели встретить, что ж, обойдусь и без вас, благо, я знал расположение помещений.

Это я перепад гравитации плохо переношу. С самой же малой тяжестью у меня проблем нет. Надо только помнить, что двигаться следует плавно, словно под водой, к тому же на туфлях у меня были вакуумные присоски.

Изнутри космическая лаборатория походила на обычное земное учреждение, только что окна в коридорах отсутствовали. Не знаешь, так и не догадаешься, что всё это высверлено в толще астероида, на котором укреплен пространственный движитель Букина.

Всё же странно, что мы называем лабораторией довольно крупное поселение. Все сотрудники были обеспечены здесь весьма солидным комфортом, а если добавить к этому постоянную связь, не было,

Олег Костенко родился в 1968 году в Санкт-Петербурге, в коем до сей поры и проживает. Образование незаконченное высшее. Работает на Ленинградском металлургическом заводе сверловщиком. Публиковался в журналах: «Уральский следопыт», «Химия и жизнь», на дисках-приложениях к журналу «Мир фантастики» и др. Рассказ «Разум взаимно» победил на конкурсе журнала «Если» в 2006 году. Больше всего в фантастике Олега интересуют социальные проблемы и парадоксы пространства-времени.

в общем-то, ничего удивительного, что Крен с помощниками безвылазно торчали здесь уже почти два года.

Я хотел было сразу подняться на уровень жилых помещений, но, поддавшись внезапному порыву, заставил лифт взобраться на верхний уровень. Там я немного постоял под обзорным куполом, разглядывая Аномалию. Она висела точно над вершиной некрупной скалы. Идеальная сфера слабо блестела, отражая лучи далёкого солнца: лаборатория дрейфовала между Юпитером и Сатурном. Я уже видел это на стереографиях, так что можно было бы и не смотреть.

Идя к каюте Крена, я быстро восстановил в памяти всё известное об Аномалии. Объект возник два года назад, во время опытов по зондированию глубинной структуры вакуума. В этих опытах планировалось найти ключ к сверхсветовым скоростям, в идеале к мгновенной масс-переброске без стационарных порталов. Ключ не нашёлся, зато появилась Аномалия.

Сфера отражала энергию ниже определённого порога, выше которого энергия уже вся поглощалась без какого-либо тепловыделения и последствий для Аномалии. Очень скоро выяснилось, что оболочка сферы нематериальна и представляет собой преобразованный вакуум.

И это, собственно, всё. Возможно, Крен знал что-то ещё.

А вот и его каюта. Стучу.

— Я занят! — доносится из-за двери могучий рёв.

Это уже начинало меня раздражать, занят он, видите ли. Нет уж, светило ты наше, физико-математическое, твои многочисленные научные звания меня не смутят! Достаю универсальный ключ. Это на обжитых планетах работает закон неприкосновенности частных жилищ, а в космосе другое правило: в случае необходимости мгновенный доступ в любое помещение, мало ли что может случиться!

Дверь отъезжает в сторону. Доктор Крен Ибикус медленно встаёт с кресла. По

внешности он больше похож не на известного учёного, а на быка. Поправка: сейчас он похож, на быка разъярённого.

— Я же сказал, что занят!

Улыбаюсь в ответ как можно более мило.

— Но как же! Мы же договаривались!

Мысленно вспоминаю всё, что знаю об этом научном светиле. Прежде всего, он фанатик познания, и подобрал себе в команду точно таких же. Впрочем, наш общий коллега Герберт Франке как-то сказал мне, что назвать Крена фанатиком это значит сильно смягчить ситуацию. «Он из тех, кто ради изучения анатомии готов проводить вскрытие на живом человеке!». Но думаю, это всё же преувеличение.

Крен холодно осматривает меня с головы до ног. Вид у него при этом такой, словно он обдумывает, прихлопнуть ли эту назойливую муху сразу, или для начала всё же поинтересоваться, а как она, собственно, сюда попала.

— Не помню вас среди своих сотрудников, — произносит он наконец. — Кто вы вообще такой?

— Профессор Антон Грушин, — вежливо представляюсь я. — Полномочный инспектор совета науки. Возможно, когда-нибудь вы о таком даже слышали.

Последнее я объявляю не без иронии. Если судить по лицу Крена, то что-то подобное он, похоже, действительно припоминает. Не спрашивая разрешения, я усаживаюсь на стул.

— Теперь вспомнил, — говорит он. — Странно, я, кажется, поручал кому-то вас встретить.

Крен опускается обратно в кресло. Я лишь слегка развожу руками.

— Вероятно, он поручил второму, тот третьему, а третий забыл.

— Возможно, возможно, — снисходительно соглашается Крен. — Вы случаем не тот самый Грушин, который составил математическую модель гиперона?

— К вашим услугам.

— Неплохо, неплохо, — цедит он с уже большим интересом. — Там есть некото-

рые свежие мысли. Но, признаться, меня несколько удивил сам визит. Я же вроде бы регулярно посылаю отчёты.

— Последнее время они настолько туманны, что кое-кто всерьёз думает, будто вы что-то недоговариваете.

Я не собирался разводить политесов. К моему удивлению Крен вдруг начал смеяться.

— Неужели настолько заметно? — произнёс он, наконец.

Я вновь развёл руками:

— Увы.

Вот уж не думал, что так сразу получу доказательство того, во что сам просто не верил.

— Ну, ладно, ладно, есть грех, — продолжает Крен. — Но это лишь потому, что обнаруженное нами чересчур грандиозно, вот и хотелось набрать данных побольше. К тому же я всё равно собирался делать доклад на ближайшем заседании академии.

Заседание Всесолнечной академии должно было состояться через полгода.

— И что же вы такого интересного здесь открыли?

— Идёмте.

Крен резко поднимается с кресла и идёт к двери, нимало не интересуясь, следую ли я за ним. Разумеется, я следую. Куда же мне деться.

В коридорах нам ни разу никто не встретился. Оно и понятно, рабочий день. Это Крен, как руководитель, может позволить себе отдохнуть в любое время.

Мы вошли в контрольный центр. Вот здесь народу было полно. Контрольный центр — это же сердце лаборатории. Именно он, а не рубка навигации, особенно если учитывать, сколько времени лаборатория находится в инерционном полёте.

Люди суетились возле пультов, рассматривали на дисплеях какие-то обозначения и графики. Я даже не пытался разобраться, что они значат. Без минимальной информации сделать это было попросту невозможно. Вон та кривая слева от меня

вполне могла быть графиком энергонасыщенности различных уровней вакуума, но с таким же успехом она могла изображать и динамику простудных заболеваний. Мало ли похожих кривых.

— Так вам удалось установить, что такое Аномалия? — спросил я у Крена.

— Да, это многомерный объект, скомпонованный в трёхмерном пространстве. Внутри у него те же двенадцать измерений, как и у нашей Вселенной, и так же большинство из них свёрнуты.

Не могу сказать, что я чересчур удивился. Подобная гипотеза уже выдвигалась.

— Фридмон? — коротко уточнил я. — Мир в микрочастице?

— Ну, Аномалия, конечно, не микро, — рассмеялся Крен, — но в основном вы правы.

Он указал куда-то рукой. Я глянул в том направлении. Неподалёку располагались несколько крупных экранов. Какое-то время я никак не мог осознать, что вижу на них. На одном виднелась планета, похожая на Юпитер, но с кольцами, на другом был берег и уходящая к горизонту бескрайняя водная гладь. Из воды торчала башка какой-то рептилии. Фантастику они тут, что ли, смотрят в рабочее время? Ой, вряд ли.

Вопросительно смотрю на Крена, хотя, собственно, уже догадался. Вот только поверить в свою догадку никак не могу. Руководитель лаборатории торжественно и молчаливо стоит передо мной словно монумент самому себе.

— Это внутри? — спрашиваю я тихо. Говорить громко кажется кощунством.

Крен с одобрением кивает.

— Да, мы разработали способ посылки внутрь Аномалии зондов. Честно говоря, думал, что вам понадобится больше времени, чтобы сообразить.

Меня охватил благоговейный восторг перед чудом. На внешнем экране виднелась Аномалия. На взгляд было невозможно определить ни дистанцию, ни размер: космическое пространство скра-

дывало расстояние. Но я знал, что сфера имеет диаметр всего в полтора километра. А ведь эта кроха содержала в себе Вселенную!

— Какие там физические законы? — спросил я у Крена.

— Такие же, как и здесь, — пояснил он. — Даже странно. Могу лишь предположить, что наша Вселенная послужила для неё матрицей.

Я ещё раз посмотрел на экраны. Рептилия резко нырнула, подняв небольшую волну. Почему-то меня очень заинтересовало, появится ли она вновь. Она или какая-либо другая тварь.

— А как со скоростью времени? — задал я новый вопрос.

— Значительно ускорено по сравнению с нашим. За четверть часа здесь, там проходит несколько миллионов лет. Но вот что интересно. Зонды связаны с лабораторией с помощью струнной связи. При передаче данных по этому каналу какие-либо временные искажения отсутствуют. Сигнал передаётся не только в пространстве, но и во времени. Оба временных потока как бы синхронизируются.

На экране по поверхности водоёма прошла расширяющаяся волна. Похоже, её оставляло что-тодвигающееся возле самой поверхности. Но никакое существо из воды не показалось.

— Кажется, подобный эффект ожидался в мифических червоточинах? — уточнил я.

Великий учёный важно кивнул.

— Вы уловили суть. И тут проявляется любопытнейший парадокс. Если послать в Аномалию два зонда с интервалом, скажем, в пятнадцать минут по нашему времени, то они придут туда с разницей в несколько миллионов лет по местному. Но, поскольку они связаны с лабораторией струнной связью, то оба будут синхронно вести репортаж каждый из своего времени. Если бы удалось направить их по одним и тем же пространственным координатам, то можно было бы провести

довольно интересные эксперименты по воздействию на будущее из прошлого и изменению причинности. Но подобное ни разу не получалось. В своей собственной размерности микровселенная чересчур велика, нам так и не удалось идентифицировать какое-либо место. Возможно, здесь срабатывал принцип неопределённости.

Крен говорил с таким раздражением, словно этот принцип был его личным врагом.

— Но это не всё. Наши остальные открытия были не менее интересны. Нам удалось разработать метод переброски зондов внутри микровселенной со сверхсветовой скоростью. К сожалению, в нашем мире он не работает: нужна разница масштабных потенциалов между тем миром и нашим.

Он сделал паузу, возможно давая мне возможность осознать услышанное.

— Зонды внутри Аномалии можно также перебрасывать и вперёд во времени, во всех подробностях наблюдая эволюцию космических объектов. Назад они, правда, не возвращаются, так как, оказавшись внутри микровселенной, зонды тут же встраиваются в её причинно-следственные связи, и срабатывает закон сохранения причинности. А впрочем, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Крен огляделся.

— Вот здесь, кажется свободно. — Он сделал с десятков шагов к нужному пульта, мы присели. — Так, сейчас припомню, какой там код записи.

Доктор Крен принялся возиться с клавиатурой, а я пытался понять, почему он вызывает во мне такую стойкую антипатию. Заносчив, конечно, сверх всякой меры, но ведь имеет право после такого открытия. Но почему с самого начала его рассказа во мне постоянно нарастает чувство тревожности? Я являюсь довольно сильным интуистом, в большинстве случаев мои предчувствия сбываются. Но ведь сейчас для тревоги вроде бы нет никаких причин...

На экране возник окружавший звезду протопланетный диск. Он быстро распался на кольца, которые в свою очередь стягивались в планетные сферы. За секунду протекали тысячелетия. Одна из планет приблизилась. Она была слегка красноватой и походила на Марс, но имела более плотную атмосферу.

Я видел содрогавшуюся в землетрясениях кору. Вздыхались и рушились горы. Пространства заполнялись растительностью, которая стремительно изменялась. Среди неё бродили мощные бронированные животные. Ледники наступали и отступали. Расцветало эволюционное древо.

— Сейчас будет интересное, — сказал доктор Крен.

Появилась толпа одетых в шкуры существ, похожих на кенгуру, только что не прыгали. Издав воинственный клич, они вдруг помчались вперёд, размахивая дубинками и каменными топорами. Навстречу им неслась другая толпа и явно с теми же целями. Шла межплеменная война.

Я видел, как основывались поселения, разраставшиеся потом в города, задымили заводы, вокруг планеты появились первые спутники. Зонд переместился к соседней мёртвой планете, теперь там выросли города под герметичными куполами.

— Они уже почти достигли нашего уровня, — прокомментировал Крен.

— Они не обнаружили зонд?

— Нет, он был накрыт маскировочным полем.

Так вот зачем были нужны все эти странные заказы, подумал я.

— Вы пытались вступить с ними в контакт?

Крен Ибикус взглянул на меня так, словно я сморозил какую-то глупость.

— Зачем, собственно? Это означало бы исказить наблюдение. К тому же, к этому временному моменту мы разработали один активный эксперимент.

Почему-то именно при этих словах мне сделалось очень страшно.

— Что за эксперимент? — спросил я.

— Оказалось, что воздействуя на внешнюю оболочку Аномалии, можно возбуждать в микровселенной римановские волны мерности, надо только иметь внутри зонд в качестве точки фокусировки.

Крен указал на один из внешних экранов. Тот демонстрировал Аномалию с довольно сильным увеличением. Рядом с ней можно было разглядеть какое-то сложное устройство, внешне похожее на подкову.

— Генератор римановских волн, — объяснил Крен. — Воздействуя с их помощью на светило этой системы, мы перевели его в стадию предновой.

— Но зачем? — только и смог я сказать. Бывают вещи настолько чудовищные, что их и воспринимаешь-то не сразу.

Похоже, Крен слегка удивился вопросу.

— Да просто эксперимент, — и он чуть шевельнул своим большим пальцем. — Благодаря этому мы сильно продвинулись в космофизике. В конце концов, не исключено, что подобная участь постигнет и наше Солнце. Мы хотели приблизить контроль. Впрочем, была ещё одна цель. Хотелось посмотреть, что попытаются предпринять в такой ситуации разумные. Смогут ли предотвратить катастрофу. В конце концов, у них было в запасе целых сто лет.

Звезда на экране на несколько мгновений сжалась, а потом начала стремительно увеличиваться в размерах. Ударный фронт плазмы обрушился на планеты. Океаны вскипали.

— Должен сказать, — говорил Крен, равнодушно глядя на катастрофу, — что результат меня несколько разочаровал. Аборигены не справились. Единственное, на что их хватило, это отправить несколько эскадр к ближайшим звёздам.

Всё это было сказано настолько будничным тоном, что я прибывал в какой-то прострации. Но всё же я спросил:

— И что с ними стало потом?

— Не знаю, — буднично ответил Крен. — Не видел никакого смысла это отслеживать. Давайте лучше посмотрим ещё один опыт.

Он набрал на пульте новый индекс. Теперь я полагаю, что тогда мой мозг, спасая меня от ужаса и потрясения, попросту отключил эмоции. Только этим и можно объяснить то, что я спокойно сидел и молча наблюдал за происходящим.

На экране предстала новая планета. Пожалуй, она походила на Землю, но не имела крупных водных пространств. Вся её поверхность представляла сплошной зелёный массив, в котором местами виднелись голубые пятна морей.

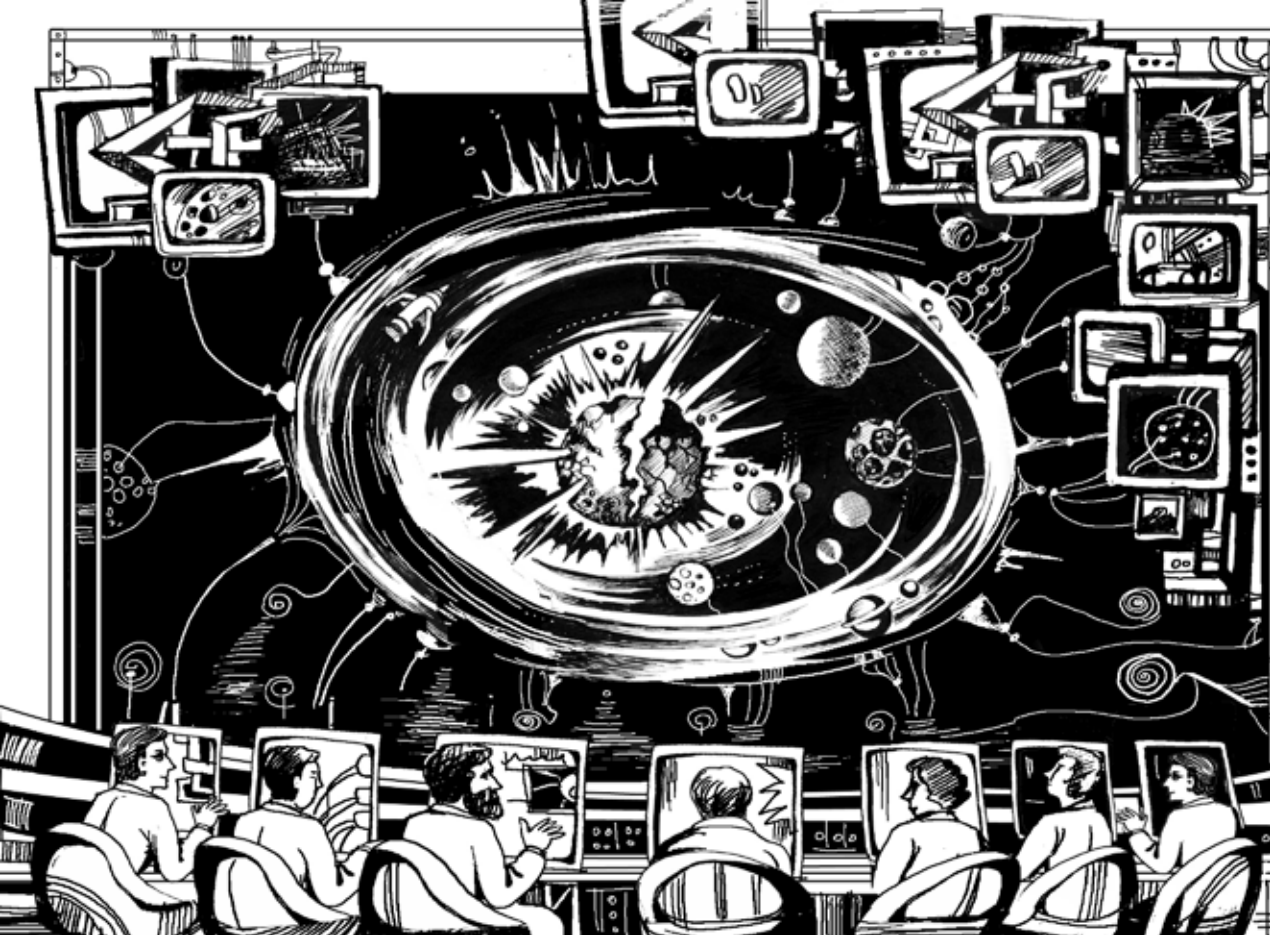
Планета обладала развитой цивилизацией на уровне нашей середины двадцать первого века, а её обитатели ходили на бесхвостых лемуруров.

— Сравнительно недалеко от этой системы, — рассказывал Крен, — находится мощный пульсар. Возбудив волны Римана, мы изменили его ось вращения. Аборигены быстро обнаружили излучаемый пульсаром луч и поняли, что через тридцать пять лет мощный рентгеновский поток пройдёт по их планете. Времени было вполне достаточно для построения убежищ, и было любопытно посмотреть, как планетяне справятся с угрозой.

На экране мощная техника рыла глубокие котлованы.

— На этот раз, — сказал Крен, — результат меня позабавил. Коррупцированные правительства попросту присвоили себе большую часть средств. Идиоты предпочли собственное обогащение спасению. Похоже, до них попросту не доходило, с чем именно они играют. Потом когда до всех, наконец, дошло, что всё всерьёз, оказалось, что шанс на спасение безвозвратно упущен. За оставшийся срок убежища для всех построить было уже невозможно. И началась война за немногие готовые.

Целые армии неслись друг на друга, паля из лучевых трубок. Двигались бронированные машины, а в небесах парили аппараты, похожие на бесхвостые дирижабли, но довольно манёвренные. С них срывались ракеты. Одно из убежищ по-

тряс мощный взрыв, земля на его месте провалилась.

Крен продолжал говорить:

— Во время войны за убежища большая их часть оказалась разрушенной. Уцелело всего несколько в разных точках планеты. Глупость разумных порой бывает попросту поразительной.

На экране настал момент, когда могучий поток жёсткого излучения чиркнул по планете, «сжигая» на ней всё подряд. Птицы падали на лету. Всё живое погибало мгновенно.

— Когда немногие уцелевшие поднялись на поверхность, вскоре выяснилось, что наладить производство продовольствия они не в силах. В общем, все умерли.

— То есть, — медленно проговорил я, — они все мирно жили, покуда вам не пришлось в голову превратить целые цивилизации в подопытных кроликов.

Похоже, Крен не вполне понял подобную постановку вопроса.

— Это же просто эксперимент, — сказал он примирительно, — всего лишь острые опыты. Кстати, на сегодня у нас запланировано нечто по-настоящему интересное. Воздействуя на оболочку Аномалии с помощью волн Римана, мы преобразуем структуру вакуума микровселенной. Представляете, как повысятся наши знания в результате этого опыта?! — И тут же обратился к сотрудникам: — Как там у вас?

— Всё готово, — негромко отозвалась какая-то женщина.

— Приступайте.

Женщина нажала на пульте несколько клавиш. Чувствовалось, что она очень увлечена своим делом.

— Минуточку! — воскликнул я. — Но как же местная жизнь?!

— Жизнь, — немного рассеянно отозвался Крен, — разумеется, она погибнет. Наука требует жертв.

— Генератор волн мерности выходит в заданный режим, — доложил кто-то.

Франке был прав, наконец понял я, Крен просто безумец и сотрудников себе подбрал таких же. Воистину подобное притягивает подобное.

Я уже полностью очнулся от ступора.

— Прекратите эксперимент! — выкрикнул я, вставая с сиденья. — Приказываю вам это как член контрольной комиссии! Вас всех будут судить за массовый геноцид!

На меня воззрились с недоумением — так, словно с ума сошёл здесь именно я. Лицо Крена побагровело от гнева.

— Уберите отсюда этого слюнтяя! — воскликнул он. — Никто не смеет мешать прогрессу науки!

Сотрудники неуверенно переглянулись. Потом трое крепких мужчин двинулись в мою сторону.

— Советую вам не отягощать своё и без того плачевное положение, — сказал я спокойно, — нападение на инспектора при исполнении — это уголовное дело.

Мужчины остановились. Я видел, они колеблются.

— Да не слушайте вы его! — крикнул Крен, — Суд истории нас оправдает!

После некоторой нерешительности троица всё же продолжила движение. Ну, хорошо. В неразумной юности я несколько лет прослужил в спецгруппе. Больше двадцати лет прошло, но некоторые вещи не забываются, некоторые навыки тоже. Сейчас я атакую эту не в меру инициативную троицу, а потом пойду крушить главные пульта. Надеюсь, программа ещё не прошла точку невозврата, и это её остановит...

— Шеф! — послышалось изумлённое восклицание. — Что-то мешает преобразованию вакуума в микровселенной. Он возвращается в прежнее состояние.

— Не может быть! — Ибикус стремительно подскочил к одному из дисплеев. — Нет, всё верно! Ничего не понимаю!

Вся группа столпилась возле этих экранов. Обо мне они словно забыли.

— Гравивсплеск возле Аномалии. Ещё один. Напряжённость на пике четыре же,

длительность три секунды.

— Можете смеяться, — проговорил кто-то, — но это очень похоже на раскрытие червоточины.

Я уже понял всё, но ощущал только безмерную усталость.

— Смотрите! — раздался очередной крик.

Возле Аномалии возник новый объект. Он походил на сложной формы снежинку. Структура неподвижно висела между сферой и нами.

— Это ещё что такое?! — в изумлении проговорил Крен.

Как ни странно, он ещё ничего не понимал.

— Это микровселенцы, — сказал я бесцветно, — они пожаловали к нам в гости.

— Невозможно, — проговорил один из сотрудников. — За минуту нашего времени у них проходят тысячелетия. Они просто не смогут вернуться в привычный мир.

Я усмехнулся.

— Что ж, полагаю, они попросту связаны с ним струнной связью, а принцип синхронизации времени работает в обе стороны.

На лице Крена возникла удовлетворённая улыбка.

— Что ж, я, пожалуй, доволен. С ними будет интересно обменяться знаниями.

Из «снежинки» вырвался тонкий и яркий лучик. Он ударил в подкову генератора римановских волн. Через мгновение устройство разнесло на куски. Послышались возмущённые восклицания. В отличие от остальных, я абсолютно не удивился.

— Да, что же это за варварство такое! — возмутился Крен. — Высокоразвитая цивилизация — и такой вандализм.

Я медленно покачал головой.

— Очнитесь Крен. Вы что, всерьёз думаете, что они пришли, чтобы обмениваться с нами знаниями? Ошибаетесь. Они пришли для того, чтобы судить нас за издевательство над их Вселенной. И одному богу известно, какой будет вынесен приговор.

Михаил Ифф
**Сферы будущего,
или Парадокс Адама**

Обычно под будущим понимают ряд событий, которые ещё не произошли. Так как речь идёт о предполагаемых событиях, то одни события могут произойти, а другие — нет. Очевидно, что некоторые события обязательно произойдут. Например, если кто-то родился, то обязательно умрёт. Эти события составляют сферу неизбежного, то есть фатального будущего. События, которые могут произойти, а могут и не произойти, относятся к сфере возможного или инвариантного будущего. Например, я могу сегодня пойти на работу, а могу и не пойти.

Изучая законы природы, фатальное будущее, в принципе, можно предсказать, так как эти события должны иметь строгую причинно-следственную связь, то есть они детерминированы.

Неизбежное будущее никак не зависит от воли человека и происходит независимо от того, желает он этого или нет. Оно зависит от тех законов, изменить которые невозможно и которые не имеют исключений. Например, сила притяжения. Человек может знать о событиях фатального будущего, а может и не знать. Во втором случае оно не только неизбежно, но и неизвестно.

Инвариантное будущее не может быть предсказано со стопроцентной точностью. Оно предполагает возможность выбора. Для осуществления выбора нужна воля. Воля есть свойство живого организма. Таким образом, человеческая деятельность относится к сфере инвариантного будущего. Там, где есть выбор, неизбежности быть не может. Отсюда следует, что в пределах человеческих возможностей неизбежности нет. А раз нет неизбежности, то есть и неопределенность и неизвестность. Неизбежность всегда выше человеческих возможностей и никак от них не зависит.

Там, где неизбежность, свободы не может быть. Неопределенность будущего есть необходимое условие свободы. Если бы будущее было определено и известно, то ни о какой свободе не было бы и речи.

Фаталисты говорят, что будущее определено, но неизвестно человеку. Поэтому никакой свободы нет, и мы занимаемся самообманом. Из этого следует, что для фаталиста сфера вероятного будущего не существует. Что ни делай, ничего изменить невозможно. Поэтому ничего и не надо делать.

Другой крайностью является признание свободы высшей ценностью. Так как свобода невозможна без неопределенности, а выше свободы ничего нет, то фатального будущего не может быть. Если его признать, то оно автоматически ограничивает свободу, что опровергает первоначальное утверждение. Поэтому адепт свободы не может признать сферу неизбежного будущего. Для него будущее есть уравнение с бесконечным количеством неизвестных. И чем больше он познает, тем этих неизвестных больше.

Воля человека может быть направлена то к одной, то к другой цели. Зато воля разных людей зачастую преследует одну и ту же цель. Например, многие хотят стать президентом, но становится только один, и то ненадолго. И, наконец, наша воля далеко не всегда может быть осуществлена в силу ограниченности наших возможностей. Всё это приводит к тому, что в сфере инвариантного будущего, невозможно с абсолютной точностью предсказать, что произойдет в следующее мгновение. Когда идет теннисный матч, никто не знает, попадет игрок мячом в сетку, корт или аут. Неизвестно и кто выиграет. Даже при подавляющем преимуществе, фаворит может подвернуть ногу. Возможно, в непредсказуемости кроется одна из причин

Михаил Ифф — начинающий, но далеко не молодой автор. Страстный поклонник истории, фантастики, философии.

популярности спортивных соревнований. Не менее важен элемент непредсказуемости и в любом виде искусства.

Как соотносятся эти сферы между собой? Очевидно, что фатальная сфера ограничивает, обрамляет инвариантную. С другой стороны, вероятное будущее ограничено возможностями человека. Таким образом, возможности человека и есть граница между сферами фатального и возможного. Имеет ли эта граница предел? И да, и нет. Она подобна бесконечной прогрессии, имеющей предел, но нет предела для человека по раздвижению границ инвариантной сферы, в рамках которой он действует.

По мере развития цивилизации границы инвариантной сферы расширяются за счёт фатальной сферы. Открывая законы природы и используя их для своих нужд, человечество тем самым отвоёвывает все новые и новые области у фатальной сферы. На сегодняшний день в мире преобладает течение, которое провозглашает свободу высшей ценностью и, следовательно, признаётся только сфера инвариантного будущего.

Однако, так как инвариантная сфера не предсказуема, то выходит, что чем больше мы открываем и осваиваем законы природы, тем меньше шансов угадать будущее. Каждое новое открытие расширяет наши возможности, увеличивает варианты будущего, но чем больше этих вариантов, тем больше непредсказуемости.

Чем больше познаём, тем инвариантное будущее менее предсказуемо.

Разве не парадокс? Как тут не вспомнить народную мудрость: меньше будешь знать — лучше будешь спать.

Если человек проводит жизнь в закрытой наглухо комнате, он и понятия не будет иметь ни о море, ни о солнце, ни о небе. Но стоит отдернуть шторы, как он увидит растения и небо. А сколько соблазнов, если выйти на улицу? А вид с дерева и вообще дух захватывает! Сколько вариантов! Везде хочется побывать! Куда стремиться?

Возможно, история с Адамом, вкусившего с древа познания, повествует об этом

парадоксе. До случая с яблоком, будущее первого человека было ясно, как безоблачное небо. Соблазн и приобретенные знания открыли ему выбор, что привело к сомнениям, мучениям и страданиям. Поэтому дадим данному парадоксу имя Адама. Ему, как первопроходцу, было труднее всего.

Можно сказать, мы лишь усугубили то, что начал первый человек. Трагедия заключается в том, что, имея возможность выбора, мы не знаем достоверно, к чему приведёт тот или иной вариант. И чем больше вариантов, тем сложнее выбор. У Каина

(Альбрехт Дюрер, «Адам и Ева», 1504)

было всего два варианта: убить брата или нет. Из двух он не сумел выбрать правильный. Далее количество вариантов возрастало, а человеческая жизнь уменьшалась. Согласно Библии, Адам жил почти тысячу лет. Сейчас средняя продолжительность жизни менее ста лет. Не связано ли это с увеличением возможностей выбора?

Парадокс Адама можно представить графически, где по горизонтальной оси (абсциссе) отложено время, а по вертикальной (ординате) — количество вариантов вероятного будущего. До ис-

кушения Адама график расположен параллельно горизонтальной оси на уровне единицы, так как будущее представлялось Адаму в виде единственно возможного варианта. Адам жил в гармонии с самим собой, природой, Богом, и поэтому никакого выбора перед ним не стояло. После вкушения с дерева познания график стал загибаться вверх, так как вариантов будущего стало несколько. По мере развития цивилизации график становится всё круче. Количество вариантов стремительно растёт. Выбор сделать всё труднее. Хочется всего, а жизнь не безразмерна. Можно предположить, что рост вариантов происходит в геометрической прогрессии. Если за точку отсчета взять год рождения Адама, что произошло 7523 года тому назад, то примерно к 2033 году количество вариантов будущего вырастет до бесконечности. Но как выбрать из бесконечности? Как перебрать все варианты и определить приоритеты? Тут никакой компьютер не поможет. К тому же невозможно не заметить удивительное совпадение. Эта дата отстоит ровно на 2000 лет от времени распятия Христа. А в Библии сказано, что будет второе пришествие и окончательный суд. Но Христос не судит живых. Он судит души. Тогда получается, что человечество погибнет до 2033 года! Впрочем, это только гипотеза. Она осуществится или нет, неизвестно. Тут очень многое зависит от нашего выбора.

Мы видим, что отрицание как сферы фатального будущего, так и сферы инвариантного будущего заводит в тупик. Где же выход? Можно ли преодолеть или смягчить плачевные последствия парадокса Адама? Можно ли как-то совместить или хотя бы примирить две противоположные точки зрения на будущее?

Древние греки, созерцая космос, то есть прикидая мысленно в суть явлений, мало заботились о практическом применении открытых ими законов. В этом они были мудрее нас. Нам обязательно надо заставить любой закон служить нам. Но если

закон только созерцать, то, в силу его изначальной детерминированности, будущее однозначно и предсказуемо. Как только мы вмешиваемся со своей волей, которая изменчива даже для нас самих, будущее покрывается мраком.

С другой стороны, древние греки совсем не так, как мы, воспринимали неизбежность будущего. Для них, чтобы это будущее наступило, нужно было приложить максимум усилий. Не случайно это было время героев. Они рассматривали себя, как неотъемлемую часть космоса, который есть гармония. Задача человека заключалась в том, чтобы понять эту гармонию и сделать всё возможное, чтобы её сохранить. Такое мировоззрение предполагает признание фатальной и инвариантной сфер будущего.

Но как сделать один-единственный правильный выбор, когда вариантов бесчисленное множество? Ответ, если он и существует, следует искать не в сферах будущего, а в самом человеке. Все варианты будущего находятся в человеческом воображении.

(Альбрехт Дюрер, «Меланхолия», 1514)

Александр Рыжков
Тринадцатая
фантазия дракона

5 lives left

Бракус не любил драконов.

А кто их любит, спросит любой житель Солнечной системы (ну, почти любой, так как венерианцы в меру своей инертности мышления не склонны к спорам)!

Многие, ответил бы автор, если бы имел право голоса.

Кто эти многие, возразите вы с ухмылкой. Эпоха Меча и Магии давно канула в лету, уступив честь править балом Науке и Технологии. Большинство драконов вымерло чуть позже динозавров, а жалкие их остатки были преданы праведному огню Средневековья. Научный факт, с ним не поспоришь. Драконов больше нет, и все эти книжки, фильмы, голографические спектакли про крылатых ящеров уже настолько в печёнках сидят, что, автор, помилуй. Сходи лучше делом займись: выступи донором крови для смазливых упырей или мозг свой отдай под хостинг какой-нибудь социальной киберсети.

И всё же...

Бракус не любил драконов.

Несколько сотен циклов лежать погребённым в нагорбном мешке, впустив в своё тело склизкие кишки жизнеобеспечения, сухожилия и нервные окончания — занятие не из приятных. Хотя ко всему привыкаешь. Особенно когда столько времени прошло. Врос себе в громадное существо и сиди тихонечко.

Нет, скорее Бракус не так сильно не любил драконов, как не любил бездействие. Да, именно бездействие. В перелёте между Галактиками нет ничего романтического. Лёд космоса, бездушное мерцание звёзд, мёртвые каменные глыбы, враждебно-слепящий блеск квазаров... И больше ничего. Ни малейшего намёка на жизнь — парсек

за парсеком.

Парсек за парсеком.

Парсек за парсеком...

4 lives left

Лёша не любил киберсети.

Они высасывали мозг похлеще юпитериальных мозговых пиявок. Если дело доходит до натягивания на себя сенсорных перчаток, пояса и наколенников, кибершлема со встроенным резонатором мозговых волн, то Алексей Спичкин вам здесь не товарищ. Хотите жить в красочном игрушечном мирке, жечь там своё время, бесцельно приближая организм к порогу старости — делайте это сами, но не пытайтесь тянуть на дно других.

Благо хоть Межпланетный закон приняли лет эдак семьдесят назад: «О запрете точной симуляции в кибернетическом пространстве». То есть, любая кибернетическая сеть не может симулировать реально существующие места Солнечной системы. Обязательно наличие придуманной составляющей. И чем дальше от реального мира, тем более это приветствуется властями любой планеты. Ну разве что суровым анархистам подземных колоний Плутона плевать на все запреты.

По классике жанра, закон, направленный на попытку «вернуть граждан в реальный мир», привёл к не совсем ожидаемым результатам. Ограниченные в привязке к реальности, разработчики кибермиров принялись развивать миры нереальные. И до того в этом деле преуспели, что многие пользователи киберсетей ныне предпочитают эти выдуманные миры миру реальному. Ну в самом деле, где лучше жить: там, где ты — не знающий отказа женщин эльф восьмидесятого уровня, или в мире, где твой начальник тебя порет, как нашкодившего пса, за двухминутное опоздание на рабочее место?

Но кто-кто, а Лёша уж точно не поведётся на призрачные обещания кибернетического пространства. Ничего хорошего от ирреальной реальности не жди.

Другое дело космические путешествия. Настоящие путешествия, а не крайняя степень развращения мозга граждан акулами кибериндустрии — живляемые воспоминания. На этот вид деятельности ограничений почему-то не предусматривалось. Большой профанации и подтверждения выражения «промывание мозгов» и придумать невозможно!

Правда, нельзя отрицать, что любое виртуальное путешествие, будь то по сказочной стране, полной неведомых существ и прекрасных, готовых на всё женщин, будь то межпланетные перелёты — намного экономичнее такового в реальном мире.

Что ж, за реальность чувств следует платить по полной...

Махровая «земная крыса» Лёша мечтал накопить достаточно денег, чтобы слетать куда-нибудь подальше. Долгое время он подумывал над экономичным туром «Уран — Нептун» с обязательным посещением колоний на спутниках Урана: Миранда, Титаний, Оберон, Ариэль, Пак; и на спутниках Нептуна: Протей, Тритон, Нереида, Ларисса. Против Миранды и Ариэль Лёша ничего не имел против, поскольку эти женские имена ему нравились. Да и к Лариссе, в принципе, претензий не имелось. Но вот кроме этих имён — ничего выдающегося. Практически все колонии создавались по совместному Русско-Украинско-Китайскому проекту, а значит, были похожи друг на друга, как клонированная овечка Долли-34128AP7 на свою в сотой степени прабабушку. Побывав в одной колонии — считай, что побывал во всех остальных. И выходит, что платишь немалые деньги (хоть и не запредельные, как, к примеру, при полёте на кольца Сатурна) за то, чтобы многократно убедиться в архитектурных достоинствах космопроекта РУК. Нет, разумеется, на спутнике Протей была совместная Англо-Итальянская колония, но ради неё одной переться в такую даль?

Идея погони за дешёвой постепенно исчерпала себя. Лёша решил твёрдо: гулять, так гулять.

Копить, так копить.

А тут, как назло, у него ещё и девушка завелась. Звали её Ю Лин и она была черноволосой, как и большинство китайчочек, не высокой, но и не низкой, худенькой, с пронзительными карими глазами.

Лёша с ней почему-то вздумал расписаться. И расписался, как ни странно.

Юлечка, как окрестил свою жену Лёша, постепенно загорелась навязчивой мыслью мужа. В светлой головешке скромной дочери китайского посла не складывались два понятия: межпланетное путешествие и экономичный тур «Уран — Нептун», осуществляемый истинными «кукурузниками космоса» — морально устаревшими столетия эдак три назад кораблями системы «СтарБоинг-187». Нет, нет, и ещё раз нет! В понимании Ю, правильно сформированном отцом, межпланетка это:

а) Звёздный лайнер классом не ниже «ШаттлБуран-666»;

б) Обязательные посадки на каждой из планет земной группы и, по возможности, на их спутниках;

в) При перелёте через Пояс астероидов непременно посетить ресторанчик итальянской кухни на карликовой планете Церера, ведь что может быть лучше хорошо приготовленной лазаньи и нежного, как перья ангела, тирамиссу?

г) Выяснить, в чём-таки принципиальная разница между кольцами Юпитера и Сатурна;

д) Оценить размах космопроектов РУК;

е) И ни при каких обстоятельствах не сойтись на Плутон — место сборища сброда со всей Системы!

Александр Рыжков родился и живёт в городе Николаеве, Украина. Магистр экологии, доцент, кандидат технических наук. Работает в Национальном университете кораблестроения имени адмирала Макарова преподавателем и руководителем центра международного сотрудничества. Признан лучшим литератором 2009 и 2010 годов по версии всеукраинского молодёжного журнала «Стена», лауреат премии Чехова (2011 год, Москва).

Как-то раз, услышав сии критерии звёздного путешествия, Лёша чуть не полез на стенку: при его уровне дохода надо было бы копить на путёвку лет эдак сто пятьдесят, а то и все двести.

Он поделился своими опасениями с женой. Она погладила его по волосам, аки несмышлёного малыша.

Для чего ещё нужны богатые папочки?

Скрипя зубами ли, или от чистого сердца, но отец оплатил кругосистемное путешествие своей любимой дочурке и её нерадивому мужу. Вот так просто. Космодром «Борисполь». Вылет на орбиту. Посадка на «ШаттлБуран-666-999».

Прощай Земля...

3 lives left

Вова не любил школу, презирал своих одноклассников, постоянно ссорился с родителями и показывал средний палец любому милиционеру, попадавшемуся в его поле зрения. Справедливости ради следует отметить, что парень «тыкал фак» тогда, когда доблестный блюститель правопорядка не смотрел на него.

Зато Вова Цыбулин просто обожал киберсеть! В особенности подмир «Тринадцатая фантазия дракона». Любил всё в этом подмире, кроме, разумеется, названия. Да, с названием разработчики перестарались. Ну какая, скажите на милость, фантазия, да ещё и тринадцатая, когда драконы в этом мире ничем не умнее немецкой овчарки. Добрые драконы. Самые умные из злых крылатых ящеров ведут себя как дикие волки. Очень кровожадные, не боящиеся людей дикие волки...

Не секрет, что разработчики не стали утруждать себя изобретением особенно интеллекта для драконов, а взяли уже готовые программы моделей поведения тех или иных животных — медведей, собак, птиц, крокодилов и так далее, смешали их там, где это было возможно — и получили около дюжины конфигураций. Перепрограммировали всё, приспособив к наиболее характерным чертам поведения

— огнедыханию, ежегодному употреблению в пищу девственницы (или мальчика евнуха, в зависимости от предпочтений ящера), тягой к порабощению гномов и принуждению их добывать драгоценные камни, проживанию в пещерах или башнях, сну на навале сокровищ...

Разумеется, каждой из дюжины конфигураций приписывались те или иные особенности поведения и внешнего вида.

Но это всё детали. Дракон не может фантазировать. Его кибермозг способен только на условные рефлексы и на нечто вроде «подсознательного/неосознанного мышления». Да и это тоже детали.

Уже какое десятилетие, а то и столетие тема «драконов» исчерпала свой массовый характер. Попытка вернуть к ней прежний интерес с треском провалилась. Рассчитанный на одновременное пользование миллиардами пользователей кибернетический мир в лучшие дни не набирал и десяти тысяч. Громадная территория, заполненная всевозможными диковинными животными, в особенности драконами. Дикий мир, по которому блуждают «одиночки» — маги, паладины, охотники, священники, барды...

Вова был одним из немногих постоянных жителей «Тринадцатой фантазии дракона». Этот кибернетический мир не был закрыт только по одной причине — кураторам проекта, потратившим колоссальные усилия, а главное, громадные капиталы инвесторов, после многочисленных отказов правительств других планет и спутников, удалось добиться поддержки Министерства культуры Марса. Кибермир получил статус социального проекта со всеми вытекающими из этого последствиями. Разработчики потеряли все авторские права, инвесторы не получили и тысячной части от ожидаемой прибыли.

Зато кибермир остался жив — МКМ выделяет минимальные средства на поддержание его существования.

Но любителям виртуальности все эти детали не то чтобы очень интересны. Что

касается лично Вовы Цыбулина, марсианского колониста в пятом поколении, так он не сильно задумывается над тем, какова история проекта, в котором он проводит всё своё свободное время.

Главные преимущества:

- жителям Марса предоставляется бесплатная возможность пользоваться любым социальным проектом правительства;

- мир практически необитаем другими пользователями, а это очень хорошо, учитывая то, что Вова ненавидит окружающих;

- несмотря на схожесть поведения с некоторыми земными животными, драконы получились достаточно живыми.

Нет, мистер, пусть тупые стадные овцы обитают в кибермирах «Золотые прииски», «Звёздные битвы», «Тайна восемнадцатой планеты» и прочих «муравейниках-миллиардниках». А Вова Цыбулин гордым одиночкой, тёмным графом Приморья, бывшим паладином, предавшим идеалы добра и вкусившим сладкую горечь грехов, будет блуждать по живописным местам драконьих пастбищ. Будет разводить на ферме ручных драконов для своей армии, будет собирать артефакты, усиливающие его магические способности. Будет жить в Чёрной Цитадели из вулканического металла, регулярно тирания своих служанок и прачек (иногда, для профилактики, конюхов и подмастерьев кузнецов). Будет устраивать охоту на гномов, сбегавших с рудников, будет облетать свои владения на любимом драконе по кличке Снежок, породы крококрыл. Будет устраивать облавы диким драконам. А самое главное, будет безжалостно уничтожать каждого попавшегося под руку пользователя — чтоб наглец знал, кто в этом мире хозяин!

Вот как-то так.

2 lives left

— Я ведь тебе говорила, что это будет незабываемым, — с лёгким-лёгким восточным акцентом произнесла Ю Лин. Она не отрывала взгляда от иллюминатора.

— Ты про лазанью? — поинтересовался Лёша.

— А-а-а? — задумчиво протянула Ю. Обзорные прожекторы вырвали из темноты гигантскую глыбу, покрытую красноватым льдом.

— Итальянский ресторан на Цицере, — вздохнул Лёша. — Мы там час как отобедали.

— Да нет же, глупыш, я не про ресторан, — хихикнула Ю. — Я про само путешествие. Хотя хорошая итальянская кухня мне всегда нравилась.

— Спрашиваешь! — довольно улыбнулся Лёша. — Я о таком всю жизнь мечтал. Правда... Венера меня немного разочаровала.

— И я от неё чего-то большего ожидала, — согласилась Ю.

— Такое ощущение, что понятие «терраформация» было крайне своеобразно истолковано первыми колонистами...

— Что ты от них хочешь? Они ж японцы.

— Юль, я думал вы с японцами вроде как друзья давно...

— Вы с немцами тоже...

— Проехали.

— Приехали.

— Уехали.

— Вот и поговорили, — подвёл черту Лёша и последовал примеру молодой жены — принялся с показным интересом рассматривать вырываемые прожекторами из космического мрака объекты Пояса астероидов.

Какое-то время царило молчание.

— А знаешь, я ведь никогда не говорила, что люблю тебя, — выпалила Ю Лин.

— Эээ... — издал звук недоумения Алексей Спичкин.

— И фамилию твою я брать никогда не собиралась и не собираюсь.

— Муэээ... — Лёшу прошиб ледяной пот.

— Да и вообще твой разрез глаз мне никогда не нравился, — продолжала Ю. — Ты как перепуганная панда с выпученными зрачками.

— Да, но...

— И вышла я за тебя только потому, чтобы насолить своему папеньке, который из-за своей посольской деятельности уже наши корни терять начал. Маму мою на украинку белорусского происхождения променял. Что он в той тупой блондинке нашёл? Я решила ему взбучку сделать.

— Хороша взбучка...

— В постели ты не оправдал тех слухов, которые про вас ходят... — Ю Лин продолжала вбивать гвозди в гроб жизни Лёши. — Наши парни ничем вас не хуже, а кое-где даже умелее.

— И дальше-то что? — со щенячьей надеждой спросил Алексей. Ему очень хотелось услышать что-то вроде: «Эй, глупыш, ну ты и доверчивый, ну ты и смешной! Тебя проще разыграть, чем пятилетнего ребёнка! Ха-ха!»

Но нет!

— Не знаю, Лёша, — вздохнула Ю Лин. — И прости за эти слова. Я не должна была их тебе говорить. Я вообще не должна была портить тебе жизнь.

Лёша открыл было рот, но слова застряли в пересохшем горле рыбьими костями.

Так мечта всей его жизни «Познать межпланетное путешествие» в считанные минуты превратилась в сущий ад.

Ю Лин вышла из номера.

— Но я ведь люблю её! — произнёс Лёша покрытому желтоватым льдом астероиду.

Астероид ничего не ответил.

«ШаттлБурани-666-999» с гордым названием «Неовояджер» пересёк черту и оказался во Внешней Солнечной системе. Логичнее было бы первую остановку сделать на каком-нибудь из спутников Юпитера, но у распорядителей рейса были другие планы. Обзорный полёт без посадок, с многочисленными ракурсами наблюдения Кентавров и тел Пояса Койпера. И только после этого — первая посадка на Тритоне, в космопорте одной из колоний проекта РУК.

«Неовояджер» — представитель звёздных лайнеров последнего поколения. Хотя определение «звёздный лайнер» не совсем применимо к громадине длиной в два с по-

ловиной, шириной в полтора и высотой в один и два километра. Тут более уместно название «космический город».

Разумеется, такие техногенные гиганты строятся непосредственно на орбитальных заводах либо на заводах, расположенных на космических телах с минимальной гравитацией. Вздумай какой-нибудь нерадивый конструктор построить подобное чудо техники, скажем, на Земле — там оно и осталось бы, либо развалилось при попытках вывести его на околоземную орбиту. Проходили уже лет пятьсот назад.

Высадка и посадка пассажиров с лайнеров осуществляется челночными шлюпками.

На следующий день (на звёздных лайнерах поддерживался стандартный размер суток с имитацией на жидкокристаллических стенах красочных пейзажей с обязательным атрибутом — движущимся по своей орбите в соответствии с установленным временем светилом), Лёша проснулся позже Ю Лин. Она сидела в кресле возле искусственного камина и разглядывала свой маникюр, стилизованный под взмахи крыльев разноцветных бабочек.

— Привет, — сказал Лёша.

— Привет, — ответила Ю Лин.

— Я ещё твой муж? — несколько помешкав, спросил Лёша.

— Да, — спокойно ответила Ю Лин.

Лёша встал перед ней на колени, обнял и расплакался. Плакал он тихо, едва всхлипывая, словно стеснялся своих выплеснутых эмоций.

А потом они поцеловались.

А потом Ю Лин ему и сказала:

— Эй, глупыш, ну ты и доверчивый, ну ты и смешной! Тебя проще разыграть, чем пятилетнего ребёнка! Ха-ха!

Лёша сильно ущипнул себя, боясь, что проснётся. Но он не спал. Это было на самом деле.

— Это жестокая шутка, — сказал Лёша, натягивая брюки.

— Я знаю, — ответила Ю. — Я бываю очень жестокой. — А потом добавила: — Никогда больше не заикайся при мне о японцах.

— Но ведь кровавым событиям в Нанкине больше тысячи лет, — не удержался Лёша.

— При чём здесь Бойня в Нанкине? — раздражённо спросила Ю. — У меня бабушка была чистокровной японкой. И... Так, я не хочу об этом говорить. Я сразу начинаю злиться. Хватит. И больше никогда, хорошо?

— Хорошо, — очень серьёзно кивнул Лёша. — Извини меня.

— Ты меня извини.

Они примирительно обнялись.

— Но ты мне и на самом деле никогда не говорила, что любишь, — сказал Лёша.

— И не скажу, если будешь затрагивать запретные темы, — нашлась с ответом Ю.

— Не буду, — кивнул Лёша.

1 life left

Вова Цыбулин в простой, скучной жизни, и Драдон Великолепный — бывший паладин, ныне тёмный граф Приморья в «Тринадцатой фантазии дракона» чувствовал себя великолепно.

И в самом деле, почему бы не чувствовать себя великолепно после того, как выпустишь кишки какому-нибудь новичку-ботану? Драдон Великолепный возвышался над телом сражённого им врага. Тело было облачено в голубую мантию с серебряными нашивками в форме молний — атрибут одежды магов Северья. Этот невежа осмелился прилететь сюда на своём драконе породы карликовый рылоклов. Обугленное тело этого дракона, кстати, лежит в овраге. Снежок здорово позабавился...

Любимец графа Драдона крюкокрыл по кличке Снежок был цвета выколотых глаз, если смотреть на мир этими самыми выколотыми глазами. Менее поэтичное описание цвета — чёрный и лоснящийся, как нефть. Разве что в подбрюшной складке выбивалась из какофонии чёрной ночи белёсая чешуйка. Одна-единственная, но и её оказалось достаточно, чтобы грозный крылатый зверь получил такое несерьёз-

ное прозвище. Чешуйка и вправду была похожа на снежинку.

Отбросив чванливую брезгливость, доставшуюся в наследство от жизни в качестве паладина, граф Драдон обшарил тело сражённого им врага на предмет полезных предметов. Несколько серебряных монет, одна золотая, свиток с заклинанием «каменные ножницы», ручной мушкет, связка ключей, красный льняной платок и, пожалуй, всё.

Ключики можно оставить себе в качестве объекта шантажа. Драдону они без надобности, но могут представлять ценность для заносчивого сопляка, чьё тело сейчас валяется у ног графа. Наверняка, реинкарнировавшись и набравшись сил, юный маг пожелает вернуть свою собственность и, главное, отомстить графу за его негостеприимство.

Монетки Драдон отправил себе в кошелек, хотя и в худшие времена жизни в Приморье граф не испытывал трудностей с деньгами. Но, как говорится, копеечка к копеечке...

Остальные предметы неудачливого пользователя Драдону Великолепному без надобности. Разве что заклинание. Вот вопрос, откуда у такого молокососа вдруг оказался свиток «каменные ножницы»? Нет, то, что он не умеет им пользоваться, это и ежу понятно. Ведь если бы умел, исход столкновения мог бы оказаться совсем другим и над телом сражённого врага стоял бы не граф Драдон...

А так молодой маг схватился за катану и, с криками, в бой...

Граф даже не стал применять магию, а просто достал шашку и принялся оттачивать мастерство фехтования.

Отточил...

— Сегодня мой удачный день, Снежок! — признался граф своему пятитонному крылатому другу. — Но не следует останавливаться на достигнутом, нам сегодня ещё нужно многое успеть. Взобраться!

Снежок недовольно фыркнул, спалив тем самым небольшое деревце, но пови-

новался, подставил собранное крыло, образовав тем самым нечто вроде трапа, по которому граф Драдон без труда взобрался ему на спину.

К спине зверя крепились крытое седло и сбруя.

Управлять обученным драконом проще простого — стоит только тереть его по чувствительному месту, в котором тело переходит в шею. Возле такого места, конечно же, и пристёгивают седло. Трут обычно при помощи «трости управления». Средний дракон может выучить до трёхсот команд, «вычерченных» тростью на его предшейном участке.

Снежок не был средним драконом. Он относился к так называемым «драконам-лингвистам», способным выучить более тысячи команд и более трёх тысяч слов.

Вот только, правда, хозяину не было никакого дела до развития лингвистических способностей своего любимца. Базовый набор устных и «письменных» команд — не больше и не меньше. Зачем забивать малышу голову командами вроде: «жди меня до восхода солнца, а если не дождёшься, то лети в ближайшую ратушу и жги там всех, кроме евнухов»? Главное, чтобы убивал по команде «фас». Остальное — необязательные детали.

«Полетели» — граф вычертил дугу тростью управления.

Снежок повиновался.

Полёт на драконе чем-то похож на полёт на дельтаплане, правда, при сильном ветре. Каждый взмах громадных крыльев сопровождается рывком туловища. Ветер так и пытается выхватить тебя за шкуру из седла и бросить в смертоносные объятия земли, теряющейся где-то там, очень очень далеко внизу. Ну а мошкара и пыль стали бы очень большой проблемой, не надевай наездник защитный шлем с глазами из топаза, чаще всего бесцветного. Для тех, кто не успел ещё нажать состояние, существовали дешёвые защитные шлемы со вставками из обычного горного стекла.

Поэт бы воспел миг вхождения дракона в гущу облаков. Наверняка сравнил бы со стрелой, пронзающей длань неба, или...

Ну, да. Но больше всего, разумеется, восторженных восхвалений удостоился бы момент возвышения над небесами, когда облака залиты красным маслом солнца, когда ты паришь над ними, как бесконечный луч света, сливаясь с закатом, и осознаёшь, что ты и есть этот закат, что тызираешь на мир с высоты Бога, что ты тоже где-то в своём роде бог...

Но граф Драдон Великолепный никогда не отличался поэтической натурой. Он просто летел верхом на крюкокрыле по кличке Снежок. Летел из одной точки в другую. Покидал поле былой битвы, чтобы начать новую.

О, да, сегодня в планах — раздобыть евнухов для своей драконьей армии. В качестве недобровольных евнуходоноров был выбран посёлок Ремесленники. Верхом на Снежке, в сопровождении двух с небольшим сотен крылатых чудовищ, граф Драдон намеревался сделать налёт, который, несомненно, должен войти в анналы «Тринадцатой фантазии дракона» как один из наиболее жестоких и беспощадных. От посёлка, разумеется, и камня на камне не останется — и это ещё мягко сказано. Но ведь любимцам графа надо как-то утолять жажду евнухов! Кстати, девственницы тоже годились, но граф любил оставлять их себе в качестве рабынь...

Сейчас Снежок, возвышаясь над вершицей перистых облаков, залитых маслянистым светом клонящегося к горизонту солнца, нёс хозяина к драконьему пастбищу близ Чёрной Цитадели.

Но кто знал, что кровавой бойне в посёлке Ремесленники суждено сорваться?

Кто вообще мог даже предположить...

Граф Драдон Великолепный вначале не поверил своим глазам. Счёл это обманом зрения, погрешил на топазные линзы в защитном шлеме. Но когда понял, что всё происходящее происходит на самом деле — непроизвольно закричал.

Воздух буквально затвердел, разошёлся, извергая из ниоткуда нечто массивное.

Это был дракон. Странный дракон. Не поддающийся классификации этого мира дракон. Отдалённо он напоминал аметистового дракона, но размерами превышал того раза в три, если не в четыре. Отдалённо, это, пожалуй, значит, только цвет. А в остальном он был совсем другим: странная клиноподобная голова, короткая шея, только две лапы с перепончатыми двупальными кистями, какие-то ли рубцы, то ли нательные отверстия, похожие на акульки жабры, исполинские крылья, делящиеся на три чётко выраженные секции, словно каждая из них могла собираться, уменьшая тем самым длину крыльев, и уродливый нарост на голой, без шипов и ороговелых пластин, спине.

Разработчики решили ввести новый вид дракона? Но как это не вовремя! Граф негодует! Он ненавидит, когда кто-то или что-то становится у него на пути к цели! Хватит Воле Цыбулину изымательств учителей и одноклассников в ненавистной ему школе! Здесь он граф Драдон Великолепный! Хозяин Чёрной Цитадели! Гроза всего Приморья! Крестьяне запугивают своих детей его именем! Ему ничто не по-меха!

— Приветствую тебя, обитатель нижнего мира, — произнёс дракон не открывая пасти. Слова раздавались где-то внутри головы графа, и это ему чрезмерно не понравилось.

— Назови мне причину, уродливый дракон, по которой мне следует оставить тебе жизнь, — прокричал тёмный граф Драдон. Снежок кружил над диковинным самозванцем, непонятно как зависшим в воздухе, поскольку крылья его не шевелились. Зато из нижних рубцов/отверстий едва заметно выдыхался какой-то газ.

— Я прилетел из дальних краёв, что за сорока цепями звёзд отсюда, — безмолвно отвечивал Бракус. — И я не первый. До меня здесь были наши общие предки. Миллиарды ваших лет и триллионы на-

ших циклов назад они прилетели сюда, как и я, внутри космических ящеров, чтобы зародить жизнь...

— Какой ты охренительно скучный персонаж, — подытожил граф Драдон Великолепный и резко вычертил команду на предшее своего дракона. — Снежок, пали!!!

И хоть новоявленный дракон превышал размерами атакующего крюкокрыла, но последний оказался быстрее и проворнее. Подобно неуловимой осе, он метался возле странного дракона-исполина и жалил — выплёвывал струи смертоносного огня.

Бракус не ожидал нападения.

Бракус слишком поздно попытался изменить ход битвы.

Звёздный Дракон погибал...

Подобно сумасшедшему художнику, каждым новым огненным залпом, Драдон словно делал мазки на холсте жизни. И картина, которая получалась, имела лишь одно название: «СМЕРТЬ».

Чья смерть?

Вряд ли Вова задумался об этом в тот момент...

0 lives left

— И ты хочешь сказать, что Пояс Койпера тебя не вдохновляет? — Ю Лин хитро прищурилась.

— А тебя? — спросил Лёша.

— А тебя-я-я, — перекивляла Ю. — Мы не в Одессе, знаешь ли...

— Ну ведь реально не на что смотреть, — сообщил Лёша с видом бывалого космического путешественника. — Одни ледяные глыбы и камни, дрейфующие по своим орбитам. Ты разве не согласна, Юлька?

Ю не отводила взгляда от выхваченной прожекторами вереницы астероидов.

— Не согласна я, — после некоторых раздумий заявила она. — Все эти космические объекты, громады, обломки, льдины... Их медлительная стремительность, их незыблемая хрупкость... Не понять тебе, ты ж не с Востока.

— Ой, дикая восточная орхидея ты моя, — не замешкал Лёша. — Тебя отец к нам

ещё крошкой привёз. И всю жизнь у нас прожила, в наши школы ходила, в наших университетах училась!

— Это глубоко в сердце, тупица, и всё равно, где ты при этом живёшь, — фыркнула Ю. — Опять же, не понять тебе этого.

— Может и не понять, — не стал спорить Алексей.

Рейс молодожёнов значился с опцией «высший класс». Не удивительно, что в их номере присутствовала комната обзора, в которой они сейчас вели спор. Комната состояла из жидкокристаллических стен, на которые в реальном времени подавалось сверхточное изображение, снятое на камеры, закреплённые за основными иллюминаторами наблюдения лайнера. По сути, можно и не выходить из номера всё путешествие. Правда, в общих комнатах обзора ж/к стены были повнушительнее размером, всё сопровождалось объяснениями реальных гидов и, разумеется, обсуждать увиденное можно с другими зрителями.

— Конечно не понять, глупыш, — озорно улыбнулась Ю. — Но за это я тебя и люблю!

Они поцеловались. Очень страстно. Давно так не было, если было вообще.

— Я не ослышался? — с надеждой спросил Лёша, оторвавшись от губ с вишнёвым привкусом.

— Нет, глупыш...

— Я не могу без тебя жить, — признался Алексей. На самом деле он не любил открытых проявлений «телячьей романтики». Они казались ему слишком приторными и неправдивыми. Но сейчас...

— Что это? — выпучил глаза Лёша.

— Это мои губы, — улыбнулась Ю Лин.

— Японский городовой! — рывкнул Лёша.

— Ну, не порть такой момент, — надулась Ю.

— Да посмотри же! — Лёша повернул кругленькое личико Ю Лин к ж/к стене.

— Японский городовой! — пискнула Ю Лин.

К «Неовояджеру» подлетело существо, размерами с небольшой ледник. Обзорные прожекторы вырвали его аметистовый цвет из космического мрака. Звёздный лайнер трянуло, словно он внезапно прекратил движение и застопорился на одном месте. «Стал на якорь, ядрёна кочерыжка!» — как сказал бы какой-нибудь актёр дешёвой космооперы, загримированный под бородатого с повязкой на глазу космического волка. Но на самом деле якорем здесь и не пахло. Совсем скоро «Неовояджер» окружили сотни, если не тысячи непонятных существ. Многие из них и послужили причиной встряски — они «сели» на обшивку звёздного лайнера, вцепились в неё когтями и «взяли его на буксир». Остальные существа либо парили рядом, либо сидели на астероидах или ледниках. В основном они были белого и красного цвета. Реже аметистового и бурого. Совсем реже — пёстрых жёлто-зелёно-сине-оранжевых раскрасок.

— Это ведь драконы, — выдавил Лёша из своего мозга, помутневшего от нерелности происходящего.

Сразу же после его слов лайнер вновь трянуло. По ж/к стенам пошла рябь. Везде погас свет...

Game Over

Бракус был вне себя от радости! Древние манускрипты не соврали. Жизнь обнаружена там, где её зародили, посеяв семя разума на третьей от звезды планете. Семя хорошо разрослось, заполонило собой множество планет и спутников. Но, увы, оно ещё не нашло путь вырваться за пределы своего светила. Пока ещё не придумало...

А вот и первые путники, встреченные после утомительного, занявшего множество сотен циклов путешествия!

Достаточно странный способ странствий — окутать себя панцирем из металла и карбона. Не удивительно, что они ещё не научились покидать свою звезду.

Бракус приказал братьям войти в контакт с путниками.

Люди. Да, их зовут люди. Они почему-то боятся Бракуса и его братьев. Они боятся звёздных драконов.

Но ничего, нужно объяснить им, что Бракус прилетел с миром. Объяснить, что он прилетел заключить договор между звёздными системами. Объяснить, что младшего брата ждут в семью. Что тайна межзвёздных полётов скоро откроется ему.

Бракус приказал своему аметистовому дракону поймать волны общения, войти в контакт с новыми друзьями. Дракон создал астральную проекцию, захватив с собою и Бракуса, поскольку сейчас Бракус и дракон были единым целым. Проекция оседлала многочисленные потоки волн, извергаемые странными неживыми приспособлениями внутри корабля из металла и карбона. Потоки несли Бракуса в направлении звезды. Быстро. Очень быстро. Прямо к четвёртой планете...

Бракус очутился в дивном мире. Дракон выбрал свою волну. Ту, которая понравилась ему. Ту, где он увидел себе подобных. Ту, где он захотел провести своё время после длительного и утомительного перелёта. Где думал отдохнуть, дав Бракусу возможность донести до людей свои планы о мире и сотрудничестве.

— Приветствую тебя, обитатель нижнего мира, — обратился Бракус к человеку, оседлавшему потомка космических драконов, побывавших здесь триллионы циклов назад.

Но человек ответил очень грубо. Волны его души наполнились злобой и пренебрежением к жизни других.

Бракус попытался объяснить человеку...

Но человек не стал слушать. Он приказал потомку звёздных драконов напасть на Бракуса. И убил его!

Когда умирает твоя астральная проекция, умираешь и ты...

Братья наблюдали за полётом Бракуса.

Братья увидели, какие жестокие всходы дало семя общих праотцев.

Братьям осталось только одно.

Мстить...

Сергей Булыга

Заклятая корчма

Как и отчего она у нас вдруг появилась, этого никто не знает. Да и у кого спрашивать? Кто может это объяснить, с тем лучше не встречаться, а все остальные повторяют одно и то же: не было её, не было, не было, а потом она вдруг есть, и всё. Да и ничего в ней приметного не замечалось, с виду корчма как корчма: коновязь, крыльцо, сбоку колодец, на крыше фонарь, чтобы ночью издалека было видно. Но так и во всех других корчмах устроено. Поэтому никто и думать не думал, гадать не гадал...

Да и когда было гадать, если эта заклиная, все её так называли, корчма каждый раз появлялась тогда, когда уже стемнел, ничего кругом толком не видно, виден один только фонарь на крыше, а тут дождь

хлещет, или воет вьюга, или за вами волки гонятся, или злодеи, и вдруг — о! фонарь! корчма! Добрый человек, без всякой дурной мысли, слезает с седла, передаёт поводья службе, а сам заходит в дверь, снимает шапку, утирается...

И уже не может выйти обратно! Потому что входная дверь пропала! Но человек этого пока ещё не замечает, он же продрог в дороге и проголодался, да ему и келих кинуть хочется — и он зовёт корчмаря, говорит, что ему надо, садится к столу, ест и пьёт, а тут откуда ни возьмись к нему подсаживаются девки, девки прямо как огонь, все как на подбор бесстыжие, начинают лапать человека, тискать, пить с ним на брудершафт, заглядывать ему в глаза, распиливать ему...

Ну, или, если человек больше охоч до денег, то к нему с шумом садится пьяная весёлая компания — и они начинают его уго-

щать, и тоже пить на брудершафт, а девкам велят плясать, да и сами уже начинают покрикивать, гикать, а после снова вдруг откуда ни возьмись объявляются карты и кости, и вот уже пошла игра, девки пляшут, собутыльники гогочут, а тут ещё подвёрнётся корчмарь, сунет человеку трубку, трубка уже раскурена, человек её берет и смокчет, а там не табак, а...

Ну, и дальше дело ясное — у человека всё плывёт перед глазами и он падает под стол. А наутро просыпается на голой земле без денег, без сапог, без шапки, без сабли, без коня... А после, когда он приходит в ближайшую деревню, ему ещё говорят, что здесь никогда и близко никакой корчмы не было. И человек пешком, босой, без шапки и без сабли идёт дальше. И это, все говорят ему, ещё его счастье, что он ни с кем в той корчме не посварился, а то его там и вовсе бы убили. Так ведь тоже иногда случалось, когда рано утром находили при дороге, обычно на куче золы, на ещё тёплом кострище, человека с распоротым брюхом, или с отрезанной головой, и тоже без денег, без сапог, без сабли и без шапки. Так что, говорилось между нами, если ты попал в эту заклятую корчму, то уже пей, гуляй и всё прочее, только за саблю не хватайся — и тогда хоть жив останешься, и после будет о чём рассказать, а иначе ничего уже и никому никогда не расскажешь. И так мы и делали, если вдруг входили в ту корчму, и, может, до сих пор входили бы, но тут слух о нашей заклятой корчме дошёл до столицы.

А там никого, кроме себя, терпеть не станут! А у нас вдруг такое самоуправство. И к нам приехал от них проверяющий — пан Змицер Штых, главный крайский выездной судья. На вид он был пан как пан — кунтуш, сабля, чуб, и конь под ним не сильно дорогой. Только когда пан судья сходил с коня, становилось видно, что через плечо у него торба с золотым шитьём, а в ней Статут, как говорили, а за поясом серебряная булава, знак его судейской власти. Он же, когда вёл рас-

следование, стучал ею по столу, если становилось шумно. Ну а если становилось совсем шумно, он тогда...

Понятно. И вот он приехал до нас, мы его с почётом встретили и рассказали всё, что знали. Потом он ещё расспросил тех, кого посчитал нужным расспросить, и уже назавтра выехал искать ту заклятую корчму. С паном выехал его пахолок Янка. Янка тоже был пахолок как пахолок, сказать о нём особо нечего.

Когда они выезжали из города, мы стояли на Соборной площади, смотрели им вслед и гадали, удастся или не удастся пану Змицеру это его, прямо скажем, непростое предприятие. И многие, нет, даже мы почти все единогласно сходились на том, что пан Змицер поедит туда-сюда, поблукает по нашей пуще, по нашим гнилым дорогам, помокнет под нашими дождями, ничего, конечно, не найдёт, плюнет, развернётся и уедет к себе в Глебск, проклиная нас последними словами.

Но, как мы вскоре узнали, всё сложилось немного не так. Правда, сперва пан Змицер и в самом деле несколько вечеров и ночей ездил по нашим болотам без всякой удачи, заезжал во все корчмы и выезжал из них обратно, ехал дальше, месил грязь, а сверху дождь лил и лил, а ветер был уже осенний — холодный и сильный, поэтому очень скоро эти поездки повернулись так, что когда впереди появлялся огонь, пан Змицер сперва радовался тому, что он сейчас сможет хоть немного передохнуть и согреться, а уже только после, и то не сразу, прикидывал, что там за корчма такая — добродчинная или заклятая. И так, с каждым днём, правильнее, с каждой ночью, потому что днём он отдыхал, пан Змицер всё больше и больше думал о добродчинных корчмах и всё меньше о заклятых.

Но как только он совсем забыл о том, за-

Сергей Булыга родился в 1953 году. Автор нескольких романов и более сотни рассказов и сказок, опубликованных в Беларуси, России, Украине, Польше, Германии и США. Живёт в Минске.

чем сюда приехал, ему сразу встретилась ещё одна корчма. А уже настала ночь, шёл дождь. Пан Змицер продрог до костей и проголодался очень сильно, когда Янка, его пахолок, вдруг сказал, что видит впереди фонарь. Пан Змицер велел поспешать. Они подъехали к корчме, пан Змицер соскочил с коня, поднялся на крыльцо и вошёл в дверь. А Янка отдал коней службе и тоже вошёл вслед за паном.

Корчма была как корчма, даже ещё хуже, чем обычно — зала оказалась маленькая, грязная, свету в ней было мало, а посетителей совсем ни одного. Только корчмарь сидел на своём месте и смотрел на пана Змицера.

— Чего сидишь? — строго сказал пан Змицер. — Не видишь, что ли, пан приехал?!

Корчмарь сразу встал, быстро подошёл к столу и поклонился. Пан Змицер сел. Корчмарь спросил, чего пану желательно, пан Змицер ответил. Корчмарь начал накрывать на стол. Пан Змицер снял плащ, корчмарь развесил его над огнём просушиться. Пан Змицер спохватился, посмотрел на дверь. Дверь была на месте. Пан Змицер успокоился и велел Янке сходить на конюшню проверить коней. Потому что, подумал пан Змицер, это не та корчма, которую он ищет, и нечего здесь задерживаться. Вот сейчас, думал пан Змицер, он передохнёт, обогреется, и они поедут дальше. Корчмарь подал ему полный келих горелки и добрый шмат хлеба. Пан Змицер осенил келих святым знамением и выпил. И тоже самое проделал с хлебом. На всякий случай, от порчи. После утёр губы...

И вдруг увидел, что за другим столом, напротив, сидит какой-то человек. Откуда он взялся, подумал пан Змицер, обернулся, посмотрел на дверь...

И увидел, что она исчезла! Там теперь была просто стена. А Янка уже успел выйти, подумал пан Змицер, дурень Янка, куда он спешил?! Вот как тогда разгневался пан Змицер, но виду не подал, отвернулся от

двери... правильное, от того места, где раньше она была, и увидел, что на столе перед ним стоит ещё один келих горелки. Пан Змицер осенил его — уже просто так, по привычке — и выпил.

Сразу же из боковой двери в залу стали входить девки. Их было не меньше десятка. Тут же кто-то заиграл на скрипке — очень быстро, громко-громко. Девки кинулись плясать.

— Гэй! Яшчэ! Гэй! Яшчэ! — стал выкрикивать тот человек из-за соседнего стола. И ещё начал стучать кружкой. И топать ногами.

С другого бока тоже закричали: «Гэй!» и тоже стали топать, очень громко. Пан Змицер оглянулся и увидел, что это за ещё одним столом, которого он раньше не заметил, сидит шумная компания каких-то непотребных личностей, пьяных, конечно. Но пана Змицера они как будто и не замечают, они кричат девкам, кричат, конечно, сальности, а девки знай себе пляшут посреди корчмы и при этом задирают ноги так, что просто удивление и срам. Но и они на пана Змицера не смотрят. А скрипки визжат как коты! А бубен бьёт так, что сейчас уши лопнут. А девки пляшут, а корчма в дыму, накурено, что хоть оглоблю вешай, а народу столько, что не протолкаться! Откуда их набилось, думает пан Змицер, а сам опустил одну руку на саблю, во второй держит пустой келих и думает — сейчас к нему подсядут девки, и что делать? Гнать их? Будут же смеяться, скажут: девок наполохался! А если к нему сядут играть в карты, тогда что, неужели тоже не играть, сказать, что денег нет? Но по-сарматски ли это? А если...

Вот такой чмур вдруг на него нашёл! Но он тут же мотнул головой, ещё раз посмотрел по сторонам и думает: нет, не возьмёте, собаки! Я вас...

А что «Я вас»? К нему же никто не подходит, никто не подсаживается, как будто его тут и нет. И вот время идёт, пан Змицер сидит за столом, смотрит по сторонам, на ту гульбу, и думает, что так всегда — если

к чему-то крепко пригодишься, то этого как раз не будет, а случится то, чего совсем не ожидаешь. А чего он не ожидает?

И только он так подумал, как сразу видит — из той толпы вдруг вышел человек, развёл руки, чтобы его не толкали, чтобы не забегали вперёд, не крутились под ногами, и пошёл прямо на пана Змицера, к его столу. Это был высокий, крепкий человек в чёрной мохнатой шапке и в чёрном просмоленном плаще, очень широком, и борода, усы и брови у него были чёрные, да и лицо будто прокопчённое или всё в саже, может, даже в порохе. И руки тоже оказались чёрные, когда тот человек положил их на стол, или упёрся ими, и замер. И он не сел за стол, а стоял возле него и сверху вниз молча смотрел на пана Змицера. В корчме орали, топали, плясали, выли, свистели, гундосили и даже брехали по-собачьи. И всё это было в дыму и в чаду! А тот человек смотрел на пана Змицера. А пан Змицер смотрел на него — снизу вверх. И одну руку по-прежнему держал на сабле, а во второй пустой келих.

Тут сбоку выскочил корчмарь, плеснул в келих горелки и пропал. Тот человек прищурился — но не по-людски, а только одним нижним веком, по-змеиному. Вот кто это был! Сам Цмок! Хозяин Пущи!

Но пан Змицер и тогда не дрогнул, не сморгнул, а поднял полный келих и, не сводя глаз с Цмока, начал пить. Пил не спеша, смотрел на Цмока. А Цмок на него. Когда пан Змицер выпил и поставил келих, Цмок сказал:

— Доброго здоровья, пан судья.

— Доброго, — сказал в ответ пан Змицер, но не прибавил, кому.

Цмок на это усмехнулся и сказал:

— Позволь, я к тебе присяду.

— С твоей ласки, — ответил пан Змицер.

— Га! — только и воскликнул Цмок и сел. Поднял руку, щёлкнул пальцами — и в корчме сразу стало тихо, все враз будто бы окаменели. Даже дыму стало меньше. И также сразу стало слышно, как на огне скворчит сало.

— Эй! — громко сказал Цмок. — Корчма! А ну дай и мне горелки!

Из толпы выскочил корчмарь и протянул ему келих. Цмок взял тот келих, дунул на него — и горелка загорелась.

— Хорошая горелка! — сказал Цмок и начал её пить, горящую. И выпил всю. После перевернул келих вверх дном и ткнул его в столешницу. Келих так в неё и вбил, торчало только его донце. Пан Змицер хмыкнул. Но свой келих забивать не стал. Тогда Цмок его взял и забил. После усмехнулся и сказал:

— Слышал я, пан Змицер, что ты до нас издалека приехал. Так ли это?

Пан Змицер помолчал, посмотрел по сторонам — а вокруг было полно народу, но теперь все стояли тихо — и сказал:

— Да, я из Глебска приехал.

— Для чего?

— Творить суд.

— А тут что, без тебя, его творить некому, что ли? — строго спросил Цмок.

— Получается, что некому, — ответил пан Змицер.

— А знаешь, кто я такой?

— Знаю. Ты Цмок. Хозяин Пущи.

— Нет, — сказал Цмок и усмехнулся. — Не Пущи, а всего Края. Не будь меня, и всех вас, панов и хлопов, судей, стрельцов, рек и озёр, болот — ничего и никого бы не было. Вы все мои. Всё здесь моё. А ты куда лезешь?! Одну ноздрю прикрою, второй дуну — и дух из тебя вон. Вот и весь суд!

Тут Цмок как лясет кулаком об стол! Так, что вся корчма заколотилась! А пан Змицер на это только засмеялся — негромко, но очень насмешливо.

— Что, не веришь?! — рыкнул Цмок и аж глазами засверкал.

— Верю, верю, — ответил пан Змицер. — Да не вижу, чем здесь выхваляться. Потому что это не настоящая сила, а только обман и колдовство.

— А что тогда настоящая сила? — спросил Цмок.

— Это когда без колдовства, — сказал

пан Змицер. — Когда только сам по себе. Вот так ты и со мной, сам по себе, померяйся. На саблях!

— У меня нет сабли, — сказал Цмок. — Зачем мне она? Надо мне кого убить — и так убью.

— Га! — сказал пан Змицер. — Колдовством! — и засмеялся.

Тут Цмока взяла злость, он аж почернел от злости. Говорит:

— Ладно, давай без колдовства. Но и без сабли! Давай просто на руках померимся. Кто перемерит, тот и победил.

— И что, — говорит пан Змицер, — кто победил, тот другого убьёт?

— Нет, — отвечает Цмок. — Меня убить нельзя. Я неубиваемый. А вот тебя убить легко. Но я не стану тебя убивать. У нас с тобой будет вот как: если я тебя перемерю, будешь у меня служить, как все эти служат, — и он показал на толпу.

— А если я перемерю, тогда что? — спросил пан Змицер.

— Тогда я тебя отсюда отпущу. Живым. Согласен?

Пан Змицер подумал и сказал:

— Согласен.

— Вот и добро! — засмеялся Цмок. Обернулся и позвал: — Корчма! А ну иди сюда! Прибери со стола!

Корчмарь через толпу протиснулся, сгрёб со стола всё лишнее, сверху рукавом протёр и говорит:

— Готово.

Пан Змицер и Цмок пододвинулись, сели один ровно напротив другого, локти на стол поставили, руками сцепились, изо всей силы, конечно, корчмарь проверил, чтобы было ровно, Цмок велел:

— Считай!

Корчмарь начал считать. И как досчитал до трёх, пан Змицер и Цмок стали мериться. Пан Змицер крепко упирался! Напружился изо всех сил! И также и Цмок напружился, стиснул зубы, давит, а все вокруг кричат:

— Цмок! Пуца! Пуца!

И опять все они начали скакать, виз-

жать, орать, выть по-волчьи, брехать по-собачьи! Опять в корчме всё в дыму, не продыхнуть, пан Змицер тужится, сил больше нет, из-под ногтей кровь выступает, а Цмоку хоть бы хны, Цмок усмехается, скалится, у Цмока пот на лбу, глаза стали красные, веки дрожат и, как у змеи, дрыг-дрыг. И так же и руки дрожат. Пан Змицер чувствует — начал Цмок сдавать! Но и пан Змицер тоже. Ох, чувствует пан Змицер, сейчас сердце в груди порвётся, рука вся почернела, из-под ногтей кровь брызжет — и на стол. Уже весь стол в крови! А Цмок оскалится, хрипит. Вот как оно ему без колдовства, пан Змицер думает. И ещё думает: подохну, так подохну! И как рванёт, как навалился весь — и придавил Цмоков кулак к столешнице! И держит!

Тут все сразу замолчали. В корчме стало тихо-претихо. Цмок смотрит на пана Змицера и не моргает. Эх, думает пан Змицер, сейчас он меня заколдует. И спалит меня. Ну, и пусть палит! А я его переборол, все это видели!

И вдруг Цмок говорит:

— Что было, то было, пан Змицер. Сегодня твой верх.

И кулаком пошевелил. Пан Змицер отпустил его. Цмок сел ровно, говорит:

— Ну, что ж...

И замолчал. Пан Змицер думает: сейчас он меня убьёт. А Цмок на толпу оборотился. Все они тоже молчат. Он тогда опять поворотился к пану Змицеру и дальше говорит:

— Ну, что ж, как и было оговорено. Отпускаю я тебя. Живым. Иди!

Пан Змицер встал из-за стола и повернулся в ту сторону, где раньше была дверь. А там толпа стоит. Пан Змицер шагнул к толпе. Толпа стала понемногу расступаться. Расступилась — и пан Змицер видит — там стена. Нет там никакой двери. Пан Змицер усмехнулся, повернулся к Цмоку и сказал:

— Я так и думал. Опять колдовство.

Цмок руку поднял, щёлкнул пальцами...

И опять дверь в стене появилась! Цмок

громко хмыкнул и прибавил:

— Иногда колдовство помогает. Иди, пан Змицер, до своих, я не держу тебя.

И пан Змицер пошёл. Подошёл, открыл дверь...

А там, в пуще, уже утро!

Пан Змицер вышел на крыльцо, закрыл за собой дверь и видит — стоит рядом с ним, на крыльце, его пахолок Янка — белый-белый — и говорит:

— Пане судья! Не гневайся. Не мог я к тебе войти. Дверь куда-то потерялась.

— А теперь нашлась, — сказал пан Змицер и пошёл с крыльца.

Янка кинулся вперёд него, забежал на конюшню, вывел коней, они посели в сёдла и поехали.

Пан Змицер ехал и молчал. Только иногда поправит шапку, хмыкнет и опять молчит. Или смотрел себе на руки: на свои ладони смотрит, смотрит, а после опять дальше едет. Янка тоже смотрит на них, видит — одна рука, правая, у пана чёрная, а вторая, левая, как и должно быть, белая. И ещё: чёрная рука в крови. Янке очень хочется спросить, что это с паном такое случилось, но он молчит, потому что знает — пан очень не любит, когда он у него о чём-нибудь спрашивает, пан тогда сразу говорит: «Кто из нас судья, ты или я?!». И вот Янка молчит, и они дальше едут. Птички в пуще чирикают, солнышко светит. А пан Змицер чёрный как туча, или как правая его рука — такой же. Да и, видит Янка, уже и левая у пана начала чернеть. Чернеет и чернеет, чернеет и чернеет! Пан на неё поглядывает, но молчит.

Потом вдруг говорит:

— Стоять!

Они остановились. Пан Змицер сошёл с коня, сел прямо на землю, на кочку, достал из торбы Статут, раскрыл его, вырвал первый лист, насыпал на лист табаку, свернул здоровенную цыгару и начал её курить. Цыгара сама по себе загорелась, Янка после говорил: сам это видел!

А тогда молчал. И пан Змицер цыгару

тоже курил молча. Потом вдруг начал говорить о том, что с ним в корчме приключилось. Рассказывал будто о ком-то другом. А рассказал, поднялся, бросил цыгару под ноги и затоптал. После повернулся к Янке и сказал:

— За мной не ходи. Не надо.

Развернулся, и пошёл в дрыгву. И не проваливался в ней, а шёл как будто по невидимым мосткам. Шёл, руки расставивши, а руки были чёрные-пречёрные, и так же и лицо у него стало чёрное, и волосы, и шапка, и жупан. Шёл, пока не скрылся за рогозом. Рогоз там растёт высоченный, ого!

Так и пропал пан Змицер, никто никогда его больше не видел. Правда, болтают люди, будто у Цмока появился новый помогать, на пана Змицера похожий, только чёрный, он с Цмоком всегда ходит рядом и водит свору злобных, на людей нацкуванных собак. Да только какие собаки у Цмока? Брехня! У Цмока только волки-перевертни, волколаки, и пан Змицер у них за старшего. Но, может, и это брехня, люди брехать любят, что и говорить.

А вот про заклятую корчму — всё это правда. Добрые люди и по эту пору туда нет-нет да попадают. Но все ведут там себя смиренно и на всё согласны. Потому что, все мы говорим, если уже так случилось и ты вдруг туда попал, то пусть тебя уже напоят и облапают, и обыграют, и всё такое остальное прочее, в этом нет большой беды, чем вдруг к тебе подсядет Цмок и скажет: давай на руках бороться!

Екатерина Белоусова Калейдоскоп

Пишу это, чтобы оставить след для самого себя. Себя, которого завтра может уже не быть.

Я в своей квартире под домашним арестом. Электрорешётки на окнах и дверях надёжно охраняют наше общество от меня. Сегодня 20 января 2052 года.

Меня зовут Жданов Виктор Алексеевич, мне тридцать восемь лет, я нахожусь в здравом уме и твёрдой памяти. Твёрдой настолько, что из-за неё мне и придётся понести наказание.

Пять лет назад вышел закон о запрете агрессии в общественных местах. Всех обязали вживить чипы. Эти небольшие пластинки регистрируют эмоциональное состояние носителя и передают сигналы в Комитет Общественного Счастья. Я избегал этого до последнего, и мне вшили его насильно. С этого дня и начался ад.

Первый раз чип сработал на следующий день на выставке в Третьяковской галерее. Они уродовали «Алёнушку»! Пририсовывали ей... И смеялись. Я не смог сдержать гнев. Подошёл и забрал маркеры у этих школьников, сделал замечание. Внутри всё кипело. Друзинники Комитета успокоили меня через десять минут. Не знаю точно, что они брызгают нам в нос, но после этого ты действительно становишься счастливым. Тебе нравится всё, весело и хорошо становится от любых слов. Если бы я в этом состоянии увидел художества подростков, то, наверное, стал бы потешаться вместе с ними.

Дня через три я возвращался домой. Двое мужчин в рабочей одежде ломали отбивали лепнину с потолка в подъезде. Я говорил им что-то, только говорил. Объяснял, что это памятник архитектуры первой половины двадцатого века, сталинский ампир. Комитет прислал своих соколов через пять минут. И снова спрей, одурманивание ненастоящей радостью.

После этого я держался неделю. Обходил стороной любые скопления людей, не показывался в общественных местах. И снова злость запульсировала в висках на пороге моего дома. На этот раз старушка-соседка решила получить свою порцию безнаказанного счастья. В одиночестве она срезала цветки с куста роз. Я выходил маленький росточек и посадил его перед домом, ухаживал, оберегал. Он разросся, и вот теперь всю красоту срезают тупыми хозяйственными ножницами. Что она чувствует при этом? В чём тут может быть счастье?! Я не мог, да уже и не хотел поднять голос или, тем более, руку на пожилую женщину. Я был зол на самого себя за это «уже и не хотел», я не знал, что делать. Но чип знал, и история с лекарством повторилась.

И снова, и снова, и снова. Как ни избегал я видеть, слышать людей, реагировать на их выходки, я опять делал это. А другие люди? Я чувствовал себя Робинзоном, только вместо необитаемого острова был мегаполис. Все остальные настолько боялись взысканий Комитета, что научились лгать самим себе. Обманом исключили для себя возможность испытывать гнев, ярость, даже простое недовольство. Заставили себя всегда улыбаться, сохранять спокойствие, уважать чужое счастье. Соблюдать закон. А я не смог.

Через год постоянных задержаний дружинниками спрей перестал действовать. Они брызнули, но ничего не произошло. Видимо, я настолько опасался превратиться в улыбающегося дебила, что блокировал что-то в организме. Так мне объяснил мой психиатр. В психиатрической больнице «Остров спокойствия» я провёл два года. Меня изучали. Искали причину, ко-

Екатерина Белоусова родилась в посёлке Менделеево Московской области. В 2004 г. окончила юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Жила в Москве, работала по специальности (юристом). В 2009 г. переехала с семьёй в деревню в Тверской области. В настоящее время является домохозяйкой.

торая не даёт мне быть счастливым. Там были и другие такие, как я. Нам всем удалили чипы на время лечения. Это было хорошо. Можно было думать, чувствовать и не бояться этого. Меня погружали в гипноз; вводили какие-то вещества, от которых хотелось говорить без остановки, причём всё подряд. Мне надевали самые современные аппараты-считыватели, на мониторах весь мой организм был как на ладони. Регулярно брали анализы, от крови до пункции спинного мозга. Я полюбил групповые тренинги. На нас воздействовали и страхом, и жалостью. Там никто не улыбался попусту. Я видел живых людей, они плакали, грустили, злились.

На некоторых моих соседей по больнице действовало то, на других иное. К каждому специалисты находили свой ключик. А я просто отдыхал от лжи. Врачи старались, но причину моей агрессии так и не узнали. Современная психиатрия лихо управляется с человеческой памятью: события считывают, стирают, заменяют на другие. Комитет Общественного Счастья щедро финансирует такие опыты. Борис Семёнович, мой врач, был в растерянности. Тот злосчастный эпизод, который определял моё поведение по отношению к варварам и вандалам, был много раз осаждён во время сеансов. Но так и не сдан моим мозгом. Был нужен толчок извне, но какой именно, Борис Семёнович затруднялся сказать.

Меня выписали с новым чипом в руке. Перед выпиской проверили действие спрея. Организм снова стал восприимчив к этому веществу. Чтобы свести к минимуму неприятности, я поселился на работе. Там тихо, спокойно. Посетителей мало. Почему-то никого не тянет к звёздам. Я сторож в обсерватории. Вернее, был им. Я спокойно жил и наслаждался где-то год. Что происходило в мире, меня не интересовало. Каждую ночь я поднимался к куполу. Я смотрел на все звёзды по очереди, на каждую, до которой мог дотянуться взглядом. И на все вместе. Я запоминал красоту. Чистую, не испорченную людьми. Мне

было хорошо, и иногда хотелось плакать от радости. Мне было и немного страшно, но я контролировал себя, чтобы не разволноваться, не пробудить чип, продлить тихое яркое чудо. Я чувствовал себя одним во всей Вселенной. Зато живым.

Одним тихим утром мой покой был нарушен, уничтожен окончательно. В обсерваторию пришла делегация от Комитета. Больше чиновники, чем учёные решали вопрос о том, не отдать ли звёзды толпе. Не открыть ли обсерваторию для свободных посещений, для общественного счастья. Глава делегации подошёл ко мне, представился: «Ломов Игнат Иванович». И протянул руку.

И тут что-то лопнуло в моей голове, треснула защитная оболочка, стрелки внутренних часов бешено завертелись назад, и я снова стал маленьким мальчиком. Мне четыре года, мама отвела меня в детский сад. Я плакал каждый раз, когда она уходила. Но так было нужно, мы были одни, за мной некому было смотреть. Сегодня я взял с собой в садик самое лучшее, что у меня есть: калейдоскоп. Дети часто приносили игрушки и книги из дома, чтобы показать другим, поделиться радостью. Калейдоскоп был моей радостью, моим личным волшебством. С ним я путешествовал по сказочным мирам, летал на далёкие планеты. Мечтал и был счастлив.

Всем было интересно. Такой игрушки никто никогда не видел. Их перестали выпускать ещё в начале века, как сказала мама. Сначала настоящие калейдоскопы заменили пластмассовыми, а потом и такие исчезли. А мой настоящий, с большими стеклянными линзами и тысячью разноцветных причудливых узоров внутри.

После тихого часа я спешу снова взять своё чудо в руки, показать детям из группы. И нахожу его сломанным, разбитым. Рядом с трубой на полу валяются обычные цветные стекляшки. Ко мне подходит Игнат Ломов и говорит: «Я проверил. Он

не волшебный. И внутри никаких чудес нет. Пойдём играть в мяч». Я вцепляюсь Игнату в волосы, машу кулаками, ногами. «Дурак! Убийца!», — кричу я. Меня оттаскивают воспитатели, и до конца дня я сижу, наказанный, в спальне. У меня перед глазами стоят слёзы, я давлю их, зажмурившись. Нажимаю на глаза пальцами — и на стене передо мной плывут большие круги. Сначала белые, они постепенно окрашиваются в разные цвета, появляются лучи, мерещатся звёзды. Когда мама пришла за мной, с ней долго разговаривали воспитатели. По дороге домой мама сказала: «Витя, люди разные. Есть те, кто разбирает чудесные вещи, чтобы посмотреть, что внутри. И есть те, кто просто наблюдает волшебство». «А каких больше?» — спросил я. Мама вздохнула. «Может, в будущем люди изменятся», — сказала она.

Мои пальцы намертво впились в протянутую Ломовым руку. Улыбка начала сползать с его лица. Кости в кисти захрустели. Меня доброжелательно оттащили крепкие мужчины с благодушными лицами. Дружинники сопровождали делегатов, и гадкое тупое довольство мгновенно влилось в мой нос.

Я опять оказался в «Острове спокойствия», и теперь Борис Семёнович знал, с каким куском памяти надо работать. Но на эти действия я должен был подписать согласие. Мне предложили на выбор полностью стереть тот день из памяти; заменить фрагменты с разбитым калейдоскопом на яркие картинки продолжения веселья, где игрушка была цела, а мы с Игнатом смотрели в неё по очереди; исключить слова Игната, создать воспоминания, как будто это я сам сломал калейдоскоп; и много, много другого. Но я отказался от всего. Всё было неправильно, нечестно. Я хотел помнить и знать правду. Без этого я бы не мог оставаться собой. Я целиком был бы заменён. И стал бы таким же, как Ломов.

Мне дали две недели на раздумья. Меня больше не могли держать в больнице без

Анатолий Белоловский Привереда

лечения, а от манипуляций с памятью я отказался письменно. Но должен был быть какой-то выход, и он появился. Борис Семёнович предложил сделать запрос на криосохранение. В наше время это исключительная мера. Замораживают только тех, кто отказался от лечения болезней современными методами. А ведь у нас лечат всё. И люди счастливы. Почти все. Разрешение на криоконсервацию дают врачи совместно с Комитетом. Мой случай уникален, и решение было принято сразу, они были рады избавиться от непонятного психа. Я подписал согласие на сохранение, причём указал максимальный срок, семьдесят лет. Мой врач заверил, что достаточно лет десяти-двенадцати, за это время найдутся новые методы работы с памятью. Но я хочу другого.

Мне настолько жутко, что я просто бегу отсюда. Не могу смотреть, в кого превращаются люди. Не могу ничего изменить даже для себя, не говоря уже про всех нас. Суждено ли мне разморозиться когда-нибудь, я не знаю. Может быть, общественное счастье достигнет предела, и люди исчезнут, истребив сначала всё вокруг. И я очнусь там, где нет людей. А может быть, я не проснусь вовсе. Иногда сквозь отчаяние пробивается что-то. Наверное, это надежда. Я хочу надеяться, что за семьдесят лет люди одумаются, прекратят препарировать красоту.

Меня отправили домой для подготовки. Прощаться мне не с кем. Я готов и жду. Завтра будет приведено в исполнение совместное решение Комитета и врачебной комиссии. Меня заморозят на семьдесят лет. Квартиру оставят под электроохраной. Мои личные вещи отправят в хранилище. Эту бумагу тоже. Когда я расконсервируюсь, могут возникнуть пробелы в воспоминаниях. Они исчезнут сами собой, но я хочу сразу вспомнить всё самое важное. Надеюсь, я ничего не забыл. Когда завтра лягу в капсулу, я надавлю пальцами на глаза и увижу чудесные миры.

Она уже набралась шампанским, а я наврал с три короба. И даже успел поплакать у неё на плече

— Бедный, бедный, — приговаривала она. — Это так грустно. Так, значит, ты не можешь завести ребёнка с резус-положительной женщиной?

Я покачал головой:

— Давно бросил пытаться.

Она засмеялась:

— А у меня первая отрицательная. Уже много лет как сдаю кровь.

Я уважительно посмотрел на неё и спросил:

— Может, поженимся?

Она хихикнула:

— Начнём с тест-драйва.

Мы ушли через коридор, где не было зеркал. До её квартиры мы так и не дошли. Я был голоден; а на резус-положительных у меня аллергия.

Перевёл с английского Илья Суханов

Анатолий Белоловский — американский писатель-фантаст, родился во Львове в 1961 году, в 1976 вместе с родителями переехал в Нью-Йорк, США. Закончил химический факультет Принстонского университета и медицинский колледж Университета штата Коннектикут. Занимается переводами с русского на английский. Работает педиатром.

Константин Чихунов

Каждому своё

Оранжевое солнце, тёплое и щедрое, заглянуло к старику.

Учитель Хасим, сидел в выгребной яме, по грудь погрузившись в зловонную жижу. Мясистые белёсые черви ползали по телу, путаясь в складках одежды.

— Здравствуй, отец Фоникон, — прошептал старик, улыбаясь утреннему светилу цвета спелого апельсина. Прикрыв глаза, он подставил морщинистое лицо ласковым лучам.

Вдруг, к неудовольствию Хасима, какая-то преграда закрыла от него благословенный огонь. Ею оказалась лысая голова лопухого парнишки лет двенадцати. Зажав пальцами нос, он полными изумления глазами взирал на добровольного страдальца.

— Учитель! — прогнусавил мальчик. — Что ты делаешь в этой ужасной яме?

— Совершенствуюсь, Ульрик, — терпеливо пояснил Хасим. — Не засти мне Фоникон.

— Прости, учитель, — не унимался паренёк, — но разве не удобней делать это наверху?

— Поди прочь, бестолочь, — беззлобно и даже почти ласково попросил Хасим мальчишку. Этого оказалось достаточно, чтобы лысая голова исчезла из поля зрения старика. Теперь ему больше ничего не мешало наслаждаться жизнью...

Но гармония уже нарушилась.

— Господи! — взмолился Хасим, — За что ты направил это неразумное чадо мне в ученики? Разве я не прославлял тебя, Господи? Разве не верил всей душой? Так зачем ты послал мне на исходе моих дней такое тяжкое испытание?

Голова учителя сделалась вдруг легкой и воздушной, он ощутил слабый укол в затылок, а затем ясно и отчетливо услышал глубокий и уверенный голос.

— Что я слышу, Хасим? Неужели в твоей мольбе я уловил тень сомнения?

— Прости, Создатель, но порой мне кажется, что среди бескрайнего океана терпения, которым ты так щедро меня одарил, я начинаю различать едва заметную полоску берега.

— Отбрось сомнения, мудрый учитель, они напрасно гложут твою душу, — рассмеялся голос в голове старика. — Всё случится именно так, как должно. А теперь прощай.

— Стой! — закричал Хасим, запоздало вспомнив, что хотел спросить у Бога кое-что очень важное...

Но тоненькая веточка в его голове лопнула с жалобным хрустальным звоном, и связь с Творцом оборвалась. Старый учитель, кряхтя, по приставной лестнице выбрался из ямы и, прихрамывая, побрёл к реке.

* * *

Устин с неохотой снял компьютерный шлем, голоса Аркабана сменились шумом городских улиц, запруженных бесконечным потоком машин. Устин подошёл к окну, отдёрнул шторы. Вечно серое небо не пропускало солнечных лучей, что никак не улучшало настроения живущих в мегаполисе людей. Виной тому являлся смог, густое облако которого надежно укрывало город от синего неба. И так было всегда.

Но только не в Аркабане, созданном Устином, где свежий ветер с океана ласкал изумрудную зелень лесов и садов, белые каменные замки тянули к бездонному небу свои башни — руки, а Фоникон светил почти всегда.

В своё любимое детище — Аркабан — Устин вложил частицу себя. На четвёртом десятке лет каждый человек уже должен иметь место, где он сможет отдохнуть и собраться с силами, поразмышлять в одиночестве или предаться любимому занятию. Не имея такового, Устин его создал.

Навыком конструирования виртуальных миров мужчина владел в совершенстве. Эта работа приносила очень неплохой доход, хотя заниматься ею приходилось нелегально. И на то были причины.

Кто-то из великих людей прошлого сказал, что всё придуманное воображением человека должно где-то существовать. Если бы он тогда знал, насколько его слова окажутся пророческими! И хотя существовать смогло далеко не всё, но, как выяснилось, очень многое. Время показало, что любой грамотно продуманный мир имеет все шансы реализоваться в действительности. Рожденный фантазией индивидуума, он становился явью и занимал свою нишу среди бесчисленного множества параллельных миров. К счастью, все эти реальности были надёжно отделены друг от друга, незабываемыми законами пространства и времени. Во всяком случае, так считала небольшая группа учёных, изучающих этот вопрос. А все остальные не верили во всю эту, как они считали, чушь, а то и вовсе ничего о ней не слышали.

Но однажды поверить пришлось! Это случилось в один из буднично-серых дней, когда прямо на центральной площади одного из довольно крупных городов вдруг сгустилось зелёное облако, из которого на новенькую мостовую, выложенную аккуратной тротуарной плиткой, шагнули боевые роботы. Человекоподобные фигуры, одетые в броню и вооружённые плазме-рами и лучемётами, стройными рядами выходили из неведомого мира, уничтожая всё на своем пути.

Когда подоспела армия и закончилась эвакуация выживших горожан, андроиды уже зачистили центральную часть мегаполиса и готовились к прорыву через оцепление. Во избежание дополнительных жертв, было принято решение накрыть место дислокации противника из установок залпового огня. Враг был уничтожен вместе с остатками городских построек.

Причину произошедшей трагедии искали недолго. Виноват оказался один из НИИ, проводивший исследования по изучению структуры пространственно-временного барьера между параллельными измерениями. Эксперимент прошёл удачно, но обошёлся стране почти

в пятьдесят тысяч человеческих жизней. Впрочем, спросить было уже не с кого — злосчастная лаборатория находилась в том же городе.

Грань между мирами оказалась куда тоньше, чем думали изначально. Если учёные смогли убрать барьер однажды, где гарантия, что этого не повторится снова? Извращенный человеческий разум не имеет границ, как знать, каких кошмарных тварей он способен породить.

Получалось, что любая виртуальная вселенная компьютерной игры, любой мир, придуманный фантастами, да просто удачная выдумка простого человека, могла оказаться реальной. Но не все миры населены цветочными феями, и человечество не хотело больше рисковать.

Всё, что могло оказаться причастным к материализации придуманных реальностей, попало под строжайший запрет. А первыми в списке стояли компьютерные игры.

Но, как известно, всё, что запрещено, имеет хорошую цену. И Устин, как профессионал своего дела, без работы не остался. Он не продавал незаконный товар из-под полы и не размещал в сети двусмысленных объявлений, но имел постоянных, проверенных и не стесненных в средствах клиентов, которые с удовольствием покупали у него шутеры и аркады домашнего производства. Это позволяло мастеру быть сытым, хорошо одетым и даже купить себе приличное жильё в престижном районе города.

* * *

Телефонный звонок, изменивший жизнь Устина, прозвучал в один из хмурых дней, пропитанных мелким серым дождём. Че-

Константин Чихунов родился в Брянской области. В 2000 году закончил Смоленскую Медицинскую Академию. В настоящий момент проживает в г. Гагарине. Фантастику любит с детства, но впервые написать сам попробовал только несколько лет назад. Имеет публикации в «Технике молодежи», «Фантаскопе», «Магии ПК», «Уральском следопыте».

ловец, назвавшийся Михаилом, сославшись на одного из постоянных клиентов подпольного игродела, попросил о встрече.

Через час они сидели в маленьком уютном кафе с тёплым освещением, имитирующим солнечный свет, тихо шелестела система фильтрации воздуха, играла ненавязчивая музыка.

Это был мужчина средних лет с карими глазами, тёмными волосами и волевым подбородком. Неглубокий, почти незаметный шрам пересекал левую щёку от уха до прямого носа. Мужчина внимательно изучал собеседника.

— Я вас слушаю, — решил сразу перейти к делу Устин.

— У меня к вам есть не совсем обычное, но очень выгодное предложение. Мне нужен мир, спокойный, в меру развитый, без проблем в настоящем и будущем. Это возможно?

— Конечно, — заверил его Устин. — Наш общий знакомый назвал вам мои расценки?

— Да.

— Прекрасно, какого жанра игру вы хотите получить?

— Боюсь, вы меня не поняли. Мне нужна не игра, а именно мир, в который я смог бы переселиться.

Изумление Устина длилось недолго, он понял, что имеет дело с обычным сумасшедшим, и уже поднялся было со стула, чтобы уйти.

— Я бы на вашем месте дослушал до конца, — предостерег его Михаил.

— Да, а что меня заставит это сделать? Я не общаюсь с психами.

— Тогда взгляните сюда.

На стол лёг список, в котором при беглом просмотре Устин к своему ужасу обнаружил имена почти всех своих клиентов.

— Если вы откажетесь мне помочь, я отправлю это в надзорные органы, — пригрозил Михаил. — Ваши клиенты сдадут вас мгновенно, в надежде на более мягкое наказание. Ну а вас лично ждёт Перфект-14.

У Устина похолодело внутри. Упоминание железного астероида, куда ссылались на пожизненную каторгу виновные в самых тяжких преступлениях, не могло оставить его равнодушным.

— Кто вы и что вам, чёрт возьми, нужно? — сдавленно произнес Устин, тяжело опускаясь на место.

— Я уже сказал, мне нужен сбалансированный и тихий мир, где я смогу укрыться от своих проблем.

— Но вы же знаете, что я не смогу вам его предоставить.

— Вы можете его придумать в виртуальности, и он реализуется, как законченная система с логическими взаимосвязями.

— Вы действительно верите в эту чушь? — удивился Устин.

— А вам разве не хватило примера Санрайска? Доподлинно известно, что андрониды, зачистившие город, вышли тогда из одной из игровых вселенных, и помогли им в этом учёные.

— Никто толком не знает, что тогда произошло.

— Кое-кто знает, а теперь знаю и я. Барьер между мирами преодолим, а ключ лежит в Санрайске, в разрушенной лаборатории.

— Даже если это так, — предположил Устин, — я сильно сомневаюсь, что в той бомбёжке могло уцелеть какое-нибудь оборудование.

— А не было никакого оборудования. Портал открывает компьютерная программа, которую можно запустить в любом ноутбуке.

— И откуда у вас такая информация?

— Мне удалось разыскать бывшего сотрудника, печально известной лаборатории. Он участвовал в разработке некоего универсального кода, который должен был послужить ключом к изменению структуры межпространственного барьера. Этот опытный программист уволился до того, как закончилась работа, и тем самым спас свою жизнь. Этот человек уверен, что его бывшие коллеги

сумели создать нужную программу. Мы отправимся в Санрайск и обыщем разрушенную лабораторию. Вы поедете с нами или отправитесь на Перфект-14, решайте.

— Послушайте, — обречённо проговорил Устин, — а зачем вам это нужно? У вас нелады с законом?

— Нет, — усмехнулся Михаил, — закон у меня в кармане. У меня нелады с бывшими партнёрами по бизнесу, а это куда серьезнее. В этом мире мне от них надолго не спрятаться. Итак, у вас есть подходящий мир для комфортного обитания?

— Да, — коротко ответил Устин.

* * *

Хасим сидел на широкой дубовой колоде, указывая двумя перстами правой руки в бездонное небо цвета индиго. Морщинистое, коричневое от загара лицо выражало умиротворение и покой, серо-стальные глаза излучали тепло и доброту, ветер трепал его снежно-белые волосы. Вокруг учителя собралось с десятков разновозрастных детей, с благоговением ловивших каждое слово мудрого старца.

— Сначала не было ничего, только бесконечная пустота без света и времени, — учил Хасим. — Потом пришел Господь и зажгёт Фони́кон, и, увидев, что свет его хорош, создал под ним твердь Аркабана. Он щедро полил его водой и насадил лесами и лугами. Затем заселил его зверями и людьми... Чего тебе, Ульрик?

Лопухий парнишка всем своим видом показывал, что у него возник к старику крайне важный вопрос:

— Прости, учитель, — несмело проговорил мальчик, — но если не было совсем-совсем ничего, откуда тогда взялся Господь?

— Нам, смертным, не дано знать, откуда пришёл Создатель, ибо неведомы людям его пути, — терпеливо пояснил Хасим.

— Но учитель! — не унимался Ульрик. — Как можно создать что-то из ничего? А тем более такой огромный мир, да и ещё Фони́кон в придачу?

— Силой мысли, неразумное чадо, силой мысли, — сохраняя стоическое терпение, пояснил мудрый старик.

— Прости меня учитель, но я всё равно не понимаю, как бесплотная мысль может стать чем-то, что можно потрогать руками.

— Очень просто, мой маловерный отрок. Вот, я подумал, например, что наш двор слишком замусорен. А теперь, видишь ту метлу, ты возьмёшь её и выметешь тут всё. Глядишь, и поймёшь, как мысль может воплотиться в реальность.

Подросток, опустив голову, безропотно поплёлся к здоровенной метле, стоящей у забора, а Хасим продемонстрировал собравшимся толстый, потрепанный флиант с обложкой из коричневой кожи.

— Ответы на все ваши вопросы вы найдёте в Великой Книге Творца, нужно только научиться смотреть сердцем...

* * *

Устин подкрутил настройки, и деревня Хасима начала уменьшаться в размерах. Показались соседние селения с ровными рядами добротных деревянных домов, утопающих в зелени фруктовых садов. Перед ним, как на ладони, легли бескрайние леса с вековыми великанами, широкие поля с работающими на них крестьянами, луга с многочисленными стадами, синие озера и голубые реки с лодками и рыбаками, тихие пруды с водоплавающими птицами, и многое-многое другое. А в центре этого тихого и спокойного пейзажа возвышался величественный белокаменный город, уходящий в небо шпилями высоких башен — Гуилд, столица Аркабана. С развитой наукой и ремёслами, он являлся культурным и деловым центром этого мира.

Устин ещё сильнее уменьшил масштаб, и земля внизу превратилась в лоскутное одеяло лесов и полей. На горизонте возникли синие горы с едва заметными очертаниями нескольких каменных замков.

Вот уже весь континент лёг перед ним как на ладони. Расположенный в южном полушарии, он находился во власти влажного и тёплого климата, позволявшего по-

лучать несколько урожаев в год. Со всех сторон материк был окружён бескрайним океаном.

А дальше, севернее, тоже в океане, расположился ещё один материк, заснеженный и поросший высокими хвойными лесами. По нему бродили мамонты и шерстистые носороги, не боящиеся холода, паслись стада лохматых быков, на прибрежных лежбищах копошились гигантские моржи. Людей здесь не было. Пока.

Третий материк находился на самом краю света. Его покрывали действующие вулканы, извергающие лаву, и шумно дышащие, кипящие гейзеры. В перспективе у Устина были планы и на этот материк, да вот только руки пока не дошли...

* * *

— Впечатляет, — произнёс Михаил, снимая шлем. — Должен признать, вы проделали огромную работу. Мне подходит ваш Аркабан, и мы найдём его среди миров.

— Почему вы так уверены, что он существует? — спросил Устин.

— Столь гармоничный и грамотно продуманный мир просто обязан был воплотиться в реальности, — ответил его гость. — Завтра мы отправляемся в Санрайск.

* * *

Когда Михаил ушёл, Устин снова вернулся к своему творению.

...Ещё дальше от Аркабана, далеко-далеко за огненным континентом, уже почти совсем за сектором обзора, расположился одинокий скалистый островок, покрытый коричневым лишайником. Единственной достопримечательностью этого места являлся глубокий сухой грот, чернеющий провалом входа в сером камне. По берегу бродили трёхметровые ящерицы устрашающего вида, с зубами бритвенной остроты. Чешуйки, покрывающие тело, переливались на солнце всеми цветами радуги, голову и спину чудовищ украшал высокий гребень, идущий вдоль позвоночника. Время от времени ящерицы ныряли в воду и охотились на рыб.

Устин не знал, зачем он создал этот кусок камня, зачем его воображение пожелало разместить совершенно ненужную Аркабану деталь в этой отдаленной части света.

А ещё он думал о том, что было бы неплохо, если бы его Аркабан возник в действительности и начал жить своей собственной жизнью где-нибудь среди бесчисленного множества других миров. Конечно, нужно понимать, что фантазия создателя даёт только толчок к рождению новой Вселенной. По какому пути пойдет её дальнейшее развитие, предугадать невозможно.

Но если его мир существует в реальности, неужели туда действительно можно попасть? И как примет Аркабан своего творца, окажись он там? Признает в нём родителя или встретит враждебно?

А что если молодая реальность навсегда запоминает личность существа, вдохнувшего в неё жизнь? Что если часть человеческой души намертво вплетается в ткань мироздания нового мира? Сможет ли демиург в дальнейшем влиять на судьбу своего детища?

* * *

Они отправились к месту назначения впятером. Михаила сопровождали двое широкоплечих, неразговорчивых мужчин и суетливый человечек средних лет в очках с толстыми стёклами.

— Игорь, кибернетик, — протянул он Устину узкую ладонь и неуверенно улыбнулся.

Компания долетела самолётом до ближайшего к Санрайску аэродрома, а уже дальше отправилась на двух машинах. Устин всю дорогу сидел рядом с Игорем, и у них была возможность пообщаться.

— Когда мы вплотную приблизились к расшифровке кода межпространственного барьера, у меня возникли несогласия с руководством проекта, — рассказывал кибернетик. — А тут ещё неожиданно освободилось долгожданное место, с очень хорошей зарплатой, в одной из лаборато-

рий. Короче, я плюнул и ушёл. И, знаете, нисколько не жалею.

— Ну, ещё бы, — усмехнулся Устин. — Особенно если вспомнить, какая участь постигла ваших бывших коллег.

— Всё это очень грустно, — согласился Игорь. — Ребят безумно жалко, но трагедия означает, что они сумели расшифровать код и разработать программу, активирующую процесс перехода между мирами.

— Я никогда не смогу понять, как что-то запущенное на компьютере может взаимодействовать с реальностью! — недоумевал Устин.

— Понять это не так тяжело, как кажется на первый взгляд, — заверил его кибернетик. — Реальности, несмотря на своё практически бесконечное количество, расположены не хаотично. Они подчиняются строгому порядку, выстраиваясь по уровням сложности внутренней организации. Есть высшие миры, где пространство, например, измеряется не в трех координатах, как у нас, а в двенадцати. Соответственно существуют миры, устроенные проще. Итак, они распределяются по определенным правилам. Человек силой своего воображения может создать реальность, тем самым становясь её оператором, но ему никогда не породить мир более сложный, чем тот, к которому он принадлежит сам. Это закон.

— Значит, нашу Землю, мог создать разум только более высокого порядка?

— Да. Как выяснилось, вся материя мироздания связана между собой гораздо теснее, чем может показаться. Компьютерная программа также способна менять свойства среды, частью которой и сама является, но в принципе не нужна и она. Теоретически оператор, как структурный элемент системы, должен уметь проходить через барьер, используя лишь силу своей мысли. Но на практике получается, что компьютер работает быстрее мозга и не отвлекается на посторонние раздражители.

— Допустим, — согласился Устин, — вы нашли код, сумели преодолеть барьер,

но как вы найдете нужный вам мир в бесконечности вариантов?

— Сложно, но можно, — ответил Игорь. — Программа снабжена поисковой системой. Задав ей параметры нужного места, можно перелистывать возможные варианты. Чем больше данных о мире, тем из меньшего числа реальностей придется выбирать.

* * *

Санрайск являл собой удручающее зрелище. Город лежал в руинах. Ближе к окраинам некоторые здания сохранились довольно хорошо, но центральные кварталы, по которым пришёлся основной удар систем залпового огня, превратились в захламленную пустошь.

Город не стали отстраивать заново, желающих поселиться поблизости от проклятого места тоже не нашлось. Ходили ужасные слухи о том, что с выжженных улиц по ночам до сих пор доносятся леденящие душу, полные боли и отчаяния человеческие крики, к которым примешивается лязг металла.

Бывший мегаполис никто не охранял, но он был обнесен двумя рядами колючей проволоки и окружён видеокамерами наблюдения.

— Мои люди заранее подготовили безопасный проход, — сообщил Михаил. — Войдём в Санрайск с южной стороны.

Идти по пустому городу было очень неприятно. Эхо шагов отдавалось громовыми раскатами в полной тишине мёртвых улиц. Казалось, что роковые события произошли не несколько лет назад, а буквально вчера. Территорию давно очистили от трупов и поверженных механизмов, но от ощущения чужого присутствия освободиться было невозможно. Воображение рисовало, как что-нибудь чуждое и враждебное встретит путников за углом или выглянет из пустой глазницы оконного проёма.

К счастью, искомое здание располагалось на окраине Санрайска и частично уцелело. Верхние этажи разрушились, но

нижний, где находилась лаборатория, был доступен для исследования.

— Что мы можем тут найти? — недоумевал Устин. — Военные, наверняка, забрали все улики.

— Нам нужно немного, — заверил его Михаил. — Ищите любые носители информации и записи на бумаге.

Через некоторое время их старания увенчались успехом. Под обломками рухнувшей стены мужчинам удалось найти смятый корпус системного блока. Игорь ловко извлёк из него жёсткий диск и подключил находку к ноутбуку.

Минут пять, пальцы кибернетика быстро бегали по клавишам.

— Есть! — радостно воскликнул Игорь, его глаза сияли за толстыми стеклами очков.

— Вы уверены? — оживился Михаил.

— Абсолютно! — воскликнул тот. — Я ведь сам работал над этой программой, только она оставалась незаконченной. А здесь она уже в завершённом виде. Я сейчас протестирую её для верности.

Игорь снова пробежался по клавиатуре, и присутствующие опасливо насторожились, когда стены вокруг них начали терять четкость форм.

— Что вы делаете? — подозрительно поинтересовался Михаил.

— Проверяю систему, — ответил кибернетик. — Всё работает превосходно, сейчас программа находится в режиме ожидания и ждёт загрузки параметров среды.

— Покажите нам что-нибудь.

Игорь бросил быстрый взгляд на Михаила, а затем снова склонился над ноутбуком. Почерневшие от гари стены лаборатории пропали, и путешественники оказались посреди редкого леса, где каждое дерево было толщиной в десятки метров, а длинные прямые стволы разрастались гигантскими изумрудными кронами. Вершины находились так высоко, что терялись в бледно-розовых кучевых облаках. Ноги по щиколотку утопали в мягком, фиолетовом мхе, повсюду пели птицы, пахло смолой и озоном.

Из-за дерева-великана, показалось стрепительное, грациозное животное, похожее на тигра и лошадь одновременно. Зверь посмотрел на непрошенных гостей, обнажив ряд длинных острых зубов, и быстрым прыжком сократил расстояние до землян вдвое.

— Уходим! — приказал Михаил.

Игорь что-то нажал, и они мгновенно оказались посреди бескрайнего синего океана. В небе светило белое солнце, над поверхностью воды кружили большие птицы похожие на летучих мышей.

Единственным сухим местом оказалась искусственная металлическая площадка, торчащая прямо из воды, на ней и стояли гости этого странного мира. Как эта площадка оказалась здесь и кто её построил, оставалось загадкой.

— Так нельзя, — запоздало спохватился Устин. — Пока мы случайно не попали в огонь или ядовитое болото.

— Исключено, — заверил его Игорь. — Программа снабжена настройками безопасности. Она не пустит нас в опасную среду без предупреждения.

Поэкспериментировав ещё немного, они вернулись в лабораторию. Все присутствующие находились под очень сильным впечатлением и не сразу пришли в себя.

Первым оправился Михаил. Он шагнул к кибернетику и попросил его показать, как работает программа.

— Всё очень просто, — заверил его учёный. — Справиться даже ребёнок!

Он начал показывать. Михаил кивал. Потом попробовал сам.

— Вот видите, всё получается! — радостно воскликнул Игорь.

— Спасибо! — сказал Михаил. И, выхватив пистолет, вдруг выстрелил в него. Учёный, со смешанным выражением удивления и испуга, осел на грязный пол.

— Что вы сделали! — закричал Устин, но затих, увидев, что ствол оружия направлен уже в его сторону.

— Флешку, — потребовал Михаил.

И Устин подчинился, протянув ему запись виртуального мира Аркабана.

— Не понимаю, что она вам даст, — обреченно проговорил он. — Это всего лишь компьютерная игрушка.

— И она поможет найти нам настоящий мир, — ответил Михаил. — Программа в режиме поиска способна отыскать реальность по заданным параметрам. Попробуем взять за образец виртуальную модель.

— Зачем я вам вообще понадобился? — искренне удивился Устин. — У вас ведь есть всё необходимое, чтобы выбрать себе любой мир.

— Не люблю рисковать, — ответил Михаил. — Даже в идеальной на первый взгляд, но малознакомой реальности можно напороться на большую неприятность.

— Значит, вы меня обманули, когда говорили, что хотите спрятаться от врагов.

— Нет, я сказал чистую правду. Мои бывшие коллеги приговорили меня, долго бегать от них я не смог бы. Но теперь, благодаря вам, я смогу обосноваться в тихом месте, откуда буду и дальше управлять своим бизнесом и приговаривать бывших коллег. Без всякого риска!

Стены лаборатории стали расплываться, и глазам мужчин предстали великолепные белые замки среди синих гор. Это мог быть только Аркабан, Устин готов был поклясться, что почувствовал его сердцем.

— Поздравляю вас, — усмехнулся Михаил. — Ваш мир действительно воплотился в реальности.

Затем он изменил настройки, и их снова окружили разбитые стены.

— Уходите, — приказал он подручным. — Что делать дальше, вы знаете. А этот юноша пойдёт со мной и поможет мне благоустроиться на новом месте.

Устин попытался возразить, но чёрный зрачок пистолета предостерег его от этой попытки.

Когда охранники вышли на улицу, Михаил нажал несколько клавиш на ноутбуке, вновь запуская программу, а Устин внезапно понял, что в живых он останется

совсем ненадолго. Он прочитал это в глазах бандита. Скорее всего, Михаил убьёт его сразу, как только убедится в безопасности перехода.

Внезапно весь внутренний мир Устина восстал против такого поворота событий. Почему он должен умереть от руки этого негодяя, да ещё именно сейчас, так и не увидев своего Аркабана? Всю свою жизнь, не всегда осознанно, самыми сакральными глубинами своей души Устин верил, что эта реальность где-то существует, может быть, эта вера и породила новую жизнь? Этот мир возник благодаря ему, и он будет решать, каким он будет и что в нём произойдёт. Он, а не убийца Михаил!

И тут, словно отвечая на его мысли, Аркабан отозвался ему мощной волной веры и любви. Сила, хлынувшая в Устина могучим потоком, переполнила его как внешнюю реку. Он увидел каждого обитателя своего мира, проникся их мыслями, почувствовал их беды и радости. Человек, находящийся рядом с ним, вдруг сразу показался ему маленьким и жалким. Свет померк на один лишь короткий миг, а затем появился вновь, но теперь уже свинцовым полумраком прибрежного грота.

— Что такое? — запаниковал Михаил. — Где мы?

Он нервно жал на клавиши ноутбука, но электроника была мертва.

— Не тратьте силы, — посоветовал Устин. — Скоро вам понадобится их очень много.

— Что это за место? — подозрительно поинтересовался преступник, наводя оружие на собеседника.

— Всего лишь кусок камня среди безбрежного океана, и этот камень станет теперь вашим домом. Но надолго ли? Это во многом будет зависеть уже только от вас.

— Это ты всё подстроил, — зло прошипел Михаил. — Давай назад, или я пристрелю тебя!

— Здесь вам не дано распоряжаться жизнью и смертью.

И, словно в подтверждение словам Устина, справа от него послышалось угрожающее шипение — и трёхметровый зверь сделал шаг к Михаилу. Пистолет Михаила беспомощно щёлкнул. Из темноты появилась вторая рептилия.

— Нет! — велел Устин, и животные отступили от чужака, повинуясь приказу хозяина.

— Нужно было завалить тебя ещё там, на Земле! — запоздало пожалел Михаил.

— Возможно, вы ещё увидите Землю, но произойдет это нескоро. А пока вы проживёте здесь один. Не бойтесь ящериц, они вас не тронут.

— Нет! — закричал Михаил. — Скотина! Не оставляй меня здесь!

— Вспомните свою жизнь, взгляните на неё с другой стороны, подумайте, всё ли вы сделали правильно. А я буду навещать вас иногда.

— Будь ты проклят...

Последние слова Михаила уже потонули в шуме ветра, и Устин оказался у высоких стен Гуилда. Но он пошёл не в город. Всё быстрее и быстрее, словно боясь опоздать, Устин стремился в другом направлении, он должен был кое-что увидеть, чтобы убедиться в правоте своей догадки.

...И вот он, наконец, увидел — спиной к нему, на почерневшей от времени колоде, сидит древний старик. Ветер играет его длинными седыми прядями. Рядом находятся его ученики. Устин тихо подошёл и остановился в нескольких шагах от старого учителя. Тот, как будто почувствовав его взгляд, вдруг напрягся и прервал свой монолог. Было видно, что он хотел оглянуться и одновременно боялся это сделать, словно из страха ошибиться.

— Хасим, — позвал Устин негромко.

Старик вздрогнул и, медленно вставая, повернулся к нему. На смуглом, морщинистом лице появилось выражение радостного узнавания.

— Создатель! Я так ждал тебя! — прошептал учитель и шагнул к Устину.

Евгений Дрозд Ад и рай

Французский философ, теолог и палеонтолог Пьер Тейяр де Шарден выдвинул в своё время предположение, что существует два вида энергии: «тангенциальная» — это энергия, понимаемая в привычном, физическом смысле, и «радиальная» или психическая энергия, которая обладает определённой формой, связана с усложнением структуры и с информацией, то есть, в каком-то смысле, с движением во времени, её можно передавать другому человеку или даже предмету (всякие шаманские, колдовские амулеты, обереги и талисманы, «намоленные» иконы православных храмов и т.п.); после распада сформировавшего эту энергию биологического носителя, она сама не рассеивается в пространстве,

а, в силу свойства конвергентности и самоподдержания собственной структуры, продолжает оставаться компактным образованием, которое, если верить газетным сообщениям, имеет даже некоторую массу порядка нескольких грамм.

Ну и куда же она девается после смерти тела?

Тут для заправки придётся сослаться на газету «THE SUNDAY TIMES» (Англия). Этому газетному сообщению я склонен верить, ибо речь идет всего лишь о шутке испанских и британских учёных, судя по всему людей, которые любят парадоксы и умеют тонко шутить с совершенно серьёзным, невозмутимым видом. Так вот, учёные подсчитали, что в аду, то есть во вместительнице для нераскаявшихся грешников, поддерживается температура 445 градусов по Цельсию. Праведников, которые избавлены от геенны огненной, тоже ожидает довольно знойная погода — 232 градуса.

Питер Брейгель Старший «Страшный суд», 1558

Для того, чтобы вычислить температуру ада, учёные использовали высказывания из книги Нового Завета «Откровение Иоанна Богослова», где говорится, что дьявол был «брошен в озеро огненное, горящее серою».

«Эта цитата означает, что температура ада должна равняться или быть немного ниже точки кипения серы, которая достигает 445 градусов при нормальном давлении», — говорит Хорхе Мира Перез, физик из университета Сантьяго де Компостела, Испания. Он и его коллега Хосе Вина консультировались с епископом Мадрида, чтобы проверить, верно ли выбраны отрывки из Библии.

Вычисляя температуру небес, исследователи основывались на тех отрывках из Священного писания, где рассказывается о степени яркости солнца и луны: «Свет луны будет таким же, как свет солнца, а свет солнца будет ярче в семь раз, подобно свету семи дней». Затем учёные применили сложный физический закон Стефана-Больцмана и установили, что температура рая составляет 232 градуса.

По мнению Роджера Сирла, профессора геофизики в университете британского города Дарем, работа испанской команды, по крайней мере, достигла одного результата — разоблачён миф о том, где нужно искать ад. «Температура в центре Земли равняется примерно 6000 градусов. Поэтому старое представление о том, что ад находится как раз в центре Земли, не может быть верным. Единственные места на Земле, где температура держится на уровне 450 градусов, — это гидротермические расщелины на дне океанов, так что нам, пожалуй, стоит от них держаться подальше», — заметил профессор.

Что касается рая, то, по мнению Сирла, в атмосфере есть слой, который называется термосферой, там температура около 200 градусов, так что рай, возможно, действительно располагается на небе.

Открытие учёных вызвало горячую дискуссию среди авторитетов в области рели-

гии. Они восприняли расчёты с иронией, утверждая, что библейские тексты должны восприниматься в контексте того времени, когда были написаны. Представитель альянса евангелистов заявил: «Чтобы поверить в то, что это подлинное научное исследование, нужно временно отказаться от рационального мышления. Парадокс состоит в том, что теологи в данном вопросе рассуждают, как здравомыслящие люди, а учёные, наоборот, придерживаются иррационального подхода».

Ну, иррациональный подход учёных можно объяснить просто наличием хорошего чувства юмора, а вот касательно теологов смысл последней фразы просто великолепен. Представитель альянса евангелистов, человек верующий, этим предложением даёт понять, что теологи лишь в данном случае «рассуждают, как здравомыслящие люди», а в остальное время они, надо полагать, рассуждают как люди не здравомыслящие, то есть как люди безответственные, либо вообще как безумные. Ну, я давно подозревал за богословами что-то такое...

Однако продолжим «иррациональный подход» учёных и сделаем вид, что, подобно теологам, восприняли их шутку всерьёз. Итак, согласно выводам учёных, ад находится где-то на уровне термальных впадин, на дне океанов и, надо полагать, в глубине разломов земной коры на суше. Там, где царит температура около 450 градусов по Цельсию. Где озера кипящей серы и буйство теллурических энергетических потоков. А рай, разумеется, в небе, в том слое термосферы, где температура держится в районе 230 градусов. Ну, вообще-то термосфера простирается от высоты в 80 до 850 км. Температура в несколько сот градусов (по Цельсию) достигается на высоте 200 км. Термосфера включает в себя ионосферу, заключённую между высотами в 80 и 500 км, в которой под действием солнечного излучения образуется несколько слоёв, содержащих в значительном количестве ионизированные

молекулы и атомы атмосферных газов, а также свободные электроны. Имеется два главных слоя ионосферы – так называемый слой E с максимальной ионизацией на высоте около 100 км и слой F, лежащий на высоте 200-400 км. Получается, что рай находится между этими двумя слоями.

Вот два экстремальных варианта, куда может после смерти организма направиться его энергетическое тело, это устойчивое компактное образование. Каждый человек проживает свою жизнь уникальным, неповторимым образом и такой же уникальной структурой обладает его энергетическое тело. Оно может быть вполне гармонично сформированным, цельным и без изъянов, а может быть «дырявым», истощенным всякого рода болезнями и излишествами, «рваным», дисгармоничным. Примем без более подробного разбора, что хорошо структурированное энергетическое тело обладает способностью свободного перемещения в пространстве и может подниматься в высшие слои атмосферы, тогда как структура, отягощенная злом, разорванная глубокими внутренними конфликтами и противоречиями, может лишь опускаться вниз, просачиваясь сквозь почву к более глубоким уровням литосферы. Если допустить, что эти энергетические структуры сохраняют способность ощущения и мысли, то трудно сказать, каково приходится тем, которые опускаются под землю. Зато возносящиеся в высшие слои атмосферы, по всей видимости, находят там вполне комфортабельные условия существования. И в слое E и в слое F они находят для подпитки достаточно ионизированных атомов и свободных электронов, то есть чистой тангенциальной энергии, необходимой для продления их существования в качестве целостных образований. Кроме того, особый комфорт придаёт частота колебаний у верхней границы нижнего из этих слоев, слоя E. По этому поводу Хосе Аргуэльес в своей книге «Фактор майя» пишет, ссылаясь

на авторитет Николы Тесла, что резонанс Земли действует подобно колебаниям гигантской электромагнитной батареи. Ключевой особенностью этой батареи является наличие двух оболочек ионосферы: нижней лунной и верхней солнечной, соответственно на высоте 95 и 110 км над твёрдым дном электромагнитного океана. Именно ионосферные токи находятся в прямом резонансе с солнечным и лунным полями, которые регулируют ветер и атмосферные токи в самых нижних слоях электромагнитного океана. Осциллируя с частотой около 7,8 Герц, т.е. циклов в секунду, ионосфера находится в резонансе с человеческим мозгом, который осциллируя с частотой 7,8 Герц, отражает состояние самадхи или медитативной углублённости.

Не знаю, правда, откуда Аргуэльес взял, что состоянию самадхи, или блаженного слияния с природой божества, которого стремятся достичь в своих медитациях йоги, соответствует частота колебаний 7,8 Герц. В других, более научных источниках я нашёл следующее распределение частот электромагнитных колебаний мозга по состояниям:

0,5 - 3 Гц — глубокий сон и высшие состояния сознания;

4 - 7 Гц — дрёма, сновидение;

8 - 12 Гц — расслабленность;

14 - 30 Гц — мыслительная работа, активность.

Так что 7,8 Герц это всего лишь переход от расслабленности к дрёме. Но тоже неплохо. Возможно, колебания с частотой 0,5-3 Гц, как раз и отвечающие состоянию самадхи, происходят ближе к верхнему сильно ионизированному слою, слою F.

Возвращаясь к вопросу о компактных энергетических образованиях, отделяющихся от тела в момент смерти последнего, мы можно только гадать, какое отношение эти энергетические образования имеют к породившему их биологическому организму — сохраняют ли они его воспоминания, а стало быть, и личность? Или,

быть может, эти энергетические существа становятся самостоятельной плазменной формой жизни со своим собственным эволюционным процессом, вырабатывающим разум, совершенно не похожий на человеческий? Существует ли энергетическое тело одного человека и дальше само по себе, обособленно, или же множеств таких тел сливаются в одно более мощное образование? Скорее всего, именно так, поскольку следы жизнедеятельности этих энерго-существ сняты на пленку, чего не могло бы быть, при условии сохранения их размеров, сравнимых с габаритами человеческого тела.

По телевизору как-то показывали съёмки из космоса, сделанные с одного из американских «шаттлов», где отчетливо видны следы, остающиеся за какими-то невидимыми тварями или образованиями, бестолково мечущимися в верхних слоях атмосферы, как головастики в пруду. И видны были именно следы, а не сами объекты, их оставляющие. Если эти съёмки подлинны, а не подделка, то можно предположить, что плёнка запечатлела проявления жизнедеятельности тех энергетических, плазменных структур, о которых речь шла выше.

В самое последнее время обнаружилось, и об этом можно найти информацию и в бумажной прессе и в Сети, что в верхних слоях атмосферы «водятся» некие странные образования, которые человеческим глазом воспринимаются как очень краткие вспышки. Пилоты самолетов регулярно подавали рапорты об этих явлениях, начиная с 70-х годов прошлого века, но лишь в последние годы удалось получить их изображения, подтвердить их действительное существование и даже как-то классифицировать. В частности, этим занимались специалисты по физике атмосферы из Университета Аляски под руководством Ганса Нельсена, производившие съёмки произвольно выбранных участков неба с помощью камеры, работающей с огромной скоростью — 10 тысяч кадров

в секунду. В результате на высотах от 50 до 100 км были обнаружены различные «электромагнитные твари», получившие всякие экзотические наименования: «эльфы» (эти были обнаружены раньше всех прочих), «тайгеры», «голубые джеты», «спрайты» и тому подобное. Эльфы представляют собой огромные красноватые кольца, голубые джеты выглядят синими фонтанами. Спрайты похожи на медуз и представляют собой дергающиеся и прыгающие гигантские шары, диаметром в сотню метров. Как правило, они осциллируют вверх-вниз со скоростью близкой к 30000 км/сек (одна десятая скорости света). Под ними обычно появляются также похожие на красных медуз твари — «тайгеры».

Имеет ли весь этот атмосферный зверинец какое-то отношение к теме нашей заметки? Не знаю, не знаю, но не удивлюсь, если имеет. Замечу, однако, что этих тварей засекли на высотах между 50 и 100 км, то есть малость ниже вычисленного нами ионосферного рая.

Так что, похоже, наши энергетические существа не вечно ловят кайф в своем небесном раю между двумя питательными в энергетическом плане ионосферными слоями, а временами спускаются и в более низкие слои атмосферы, и тогда, видимо, происходит то, что именуется феноменом НЛЮ.

«Рай», карта 1616-го года, Лондон

ТВОРЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
ТАЛЕНТ

6,7,8 МАЯ

Дворец Молодежи
Старовиленский тракт, 41

ЯРМАРКА

ТОВАРОВ И РАЗВЛЕЧЕНИЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ

ПРАЗДНИК ДЕТСТВА

- детская одежда и обувь
- товары для новорожденных
- товары для мам
- игрушки, интернет-игры
- литература и канцтовары
- детская мебель, текстиль
- велосипеды, спорттовары
- детское питание, сладости

- ПРОГРАММА РАЗВЛЕЧЕНИЙ:**
- художественные мастер-классы
 - игровая программа с клоунами, детские спектакли-сказки
 - показ одежды от дизайнеров
 - выступление артистов
 - прыганье на батуте

www.talent.by

www.asunta.by

237-21-68

237-21-67

Информационные партнеры:

ISSN 2308-894X

9 772308 694001

00113